Ч 14 8/125

Пролетарская помощь.

(Сборник)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
ВЛАДИМИР, 1921.

СПАСАЯ ПОВОЛЖЬЕ, СПАСАЕМ СЕБЯ.

Сборник издан трудами Владимирского Губполит-просвета, Госиздата и Полиграфотдела.

2148/125

НА ПОМОЩЬ!

На помощь! На помощь скорей!
Туда, где костлявой рукою
Косит смертоносной косою
Царь-голод голодных людей.
На помощь! На помощь скорей!
Скорее на помощь, крестьянин,
Не дай, чтобы брат-поволжанин
Своих не засеял полей.
На помощь! На помощь скорей!
На помощь, что есть у нас силы,
Не дай, чтоб в Поволжьи могилы
Пестрели на месте полей.
На помощь! На помощь скорей!
Туда, где голодный ждет смерти.
Скорее на помощь, и верьте—
Мы вырвем у смерти людей!!!

С. Виноградов.

8826

МИРСКАЯ ДУША.

ХОРОША БОРОЗДА К ЗАГОНУ.

Картины деревенской жизни.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1. Семен Митрич, жадный мужик 45 лет.
2. Мироныч, его отец 70 лет.
3. Соня, дочь Семена 18 лет.
4. Саввушка, ее жених 20 лет.
5. Колябка, многосемейный крестьянин, лет 35.
6. Председатель селькома.
7. Дуня, подруга Сони.

Крестьяне, девки, парни и ребятишки.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Деревенская изба. На правой стороне стол, вокруг которого сидят: Соня, Дуня и подруги. Шьют приданое. Налево у окна Саввушка с газетой. С печки, свесив голову, смотрит Мироныч.

Девки поют:

С тятькой, с мамкой разбранилась,
Три дня дома не была,
В пост скоромного наелась,
Коммунисткой прослыла.

Меня Митя уговаривал,
„Гражданским“ улещал,
Не пошла бы за корявого,
Чекушкой настращал...

С а в в у ш к а (откладывая газету). Девки, подождите немного.

Д е в к и. Что еще? А ну его, пойте...

Не гляди на белы рученьки.
Гляди на перстенек...

С о н я (машет на них рукой. Саввушке). Ты что?

Саввушка. Хотел рассказать, что на белом свете творится (берет газету). Вот здесь про голод пишут. Дети, старики с голоду помирают, а кто еще в силах—бегут куда глаза глядят... А что в дороге делается: ужас какой-то!

Соня. Прочитай, мы послушаем.

Дуня. А то расскажи лучше, уж больно ты мастер нашей сестре зубы заговаривать...

Саввушка. Вам и расскажешь, да не проймешь. Толстомясые... Вон у тебя мурло-то какое...

Дуня (смеется). За простоту бог лица прибавил...

Соня. А ты, Саввушка, не сердись, а расскажи (подходит и садится рядом). Свадьба через неделю, а ты чудной какой-то. Все с книгами да газетами, а нам и посмеяться не велишь.

Саввушка. Уж больно меня голод ущемил. Ухватил за самую душу да и водит, как ерша, на удочке... Ты пойми—люди умирают, а мы поем, смеемся, женимся...

Мироныч (с печки). А где это?

Саввушка. На Волге, дедушка!.. Более семи губерний захватило. Все солнцем сожгло. На семена не собрали...

Мироныч. Ах, ты, сделай милость. И в старину бывало, помню также вот, годов сорок тому назад, у нас голод случился, так „Мериканец“ целый пароход с хлебом пригнал...

Саввушка. Теперь на „Мериканский“ хлеб не рассчитывай, надо своим поделиться...

Мироныч. Сами-то мы не ахти сыты. Вон у меня Семка—сын родной, а кажинный день куском хлеба попрекает...

Соня. Полно, дедушка, тятя к слову сказал, дескать, не знаешь, куда хлеб раздавать, а свои рты заткнуть нечем.

Мироныч. Знаем мы. Да... А ежели рассудить—еще свое ем. Самим наработано. Не все на печи лежал... (входит Семен сердитый, расстроенный).

Семен. (к Соне). Пообедали?..

Соня. Все тебя дожидались...

Семен. Из волости комиссар был, продналог требует... Читал, читал—и ржи, и овса, и гречи... чего только нет... Нашу волость по седьмому разряду ахнули... (садится к столу и кладет бумагу. Дуне). Ну-ко ты, подвинься.

Саввушка (подходит). А наша Моругинская—по пятому...

Семен. Вам что, с полгоря. Вот нам—подумаешь...

Саввушка. Что тут думать, надо как-нибудь выкручиваться...

Семен. Выкрутись с нашими дураками. Говорю—отказать да и все. Так нет—как это. То да се.... Как бы хуже не было.... Сволочь, а не народ пошел....

Саввушка. Эх, Семен Митрич. Молод я, чтобы советы давать, а не терпится.

Семен (смотрит на Саввушку). А что такое?

Саввушка. Уж больно у меня на душе нагорело, куда ни пойду, что ни делаю, одно в голове—голодные. Мрут, как мухи, а мы здесь о продналоге рассуждаем: давать или нет—гадаем.

Семен. Ишь-ты, Филарет милостивый нашелся.... Выходит: отдай жену дяде.... так что-ли?. Мы прошлый год сами мякину ели, а кто нам помог?

Саввушка. Как кто? На семена рожь откуда взяли? А ты все лето на чьей лошади работал? Все из Губземотдела.

Семен. Молчи лучше. Вот она у меня где сидит, лошадь твоя (бьет себя по затылку). Я ей скормил больше, чем она стоит....

Саввушка. Грех нам голодным не помочь, а о продналоге и говорить нечего. У нас, слава богу, останется, а там....

Семен. Там, там, а что там?....

Саввушка. Вот газеты пишут....

Семен. Плевал я да и на газету твою....

(Девки складывают работу и уходят).

Соня. Вон девок перепугали... Все то спорите, перестали бы лучше. И ты, Саввушка. Есть о чем спорить. Как мир порешит, так и вы будете...

Семен. То-то и оно, что мир-то дурак.

Мироныч (с печки). Умны стали, мир нехорош. Нет, Семка, мир, он не обманет, душой не покривит.... зря ты на мир лаешь.

Семен. Что я собака што-ли. Лаешь, скажи пожалуста, мирская душа нашлась... Лежал бы себе молча, коли бог убил...

Мироныч. Лежу и лежу, а тебя зло разбирает... На своей печи лежу и никто мне не указчик, да. А тебе вон робяты на правду слово молвили, ты на мир опрокинулся... Осетовал тебя окаяшка, прости господи, на всех и огрызаешься...

Семен. Я с тобой и говорить не хочу... В субботу сто лет будет, а ума не припас. Всю жизнь на коле ехал, лыком подхлыстовал, а туды же учить взялся.

Мироныч (спуская ноги с печи). Это я на коле ехал?. Охреян, Охреян. Через кого ты жителем стал, кто тебе хозяйство соблюл, кто тебя на ноги поставил? (закашлялся).

Семен (берется за шапку). Подохнешь, смотри. Гляди уж песок сыплется. Дармоед старый. (Уходит, хлопнув дверью).

Соня (укладывая деда). Ляг, ляг, родимый... (Саввушке) И зачем ты с отцом связался. Гляди, отца родного проглотить норовит, а ты ему про голодныхъ толкуешь.

Мироныч (отдохнув). И проглотит, аспид. Да нет, не на таковского попал. Я ему на сходе все выложу.

Саввушка. Пойдет теперь мужиков мутить, чтобы налог не сбирали.

Соня. Полаются да соберут. Не дадут по доброй воле, силом заставят.

Саввушка. Хороша борозда к загону, Соня, все дорого во время. Пройдет месяц, в нашей ржи и нужды не будет, а соберем сейчас—тысячи людей от смерти отымем.

Соня. Саввушка, одного боюсь, как бы на тебя отец не рассердился. Озорник он, на порог не пустит, ни на что не поглядит. А ведь мы с тобой не шутки шутить задумали... Люб ты мне, краше света белого, (обнимает Саввушку). Что люди скажут? Меня пожалей, не связывайся.

Саввушка. Неушто он на это пойдет?...

Мироныч. Не бойсь, Саввка, ничего не будет. Не давай псу потачки. За хорошее дело горой стань. А ежели он да на сходе посмеет, я ему при всех в рожу плюну, прямо в глаза бесстыжие. Я ему покажу, как у голодных хлеб отнимать. Анафема проклят будет. Я ему глотку перекваču (закашлялся). Я хозяин в доме, али нет? Разве жив не буду, а то ползком да приползу.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Деревенская улица: на переднем плане изба с заваленкой, напротив амбар. у избы крестьяне, у амбара девки и парни. Ближе к сцене Соня с Саввушкой. Под ивами дети играют в ловички.

Дети хором:

Чуха, луха—шевелюха,
Ходит свинья по болоту,
Щиплет траву лебеду,
Она в рот не берет,

По березничку кладет...
Шишел, вышел вон пошел...
(с визгом разбегаются, прячась за больших).

Председатель. Места вам нет!

Колябка. Что это, братцы, уем надо дать....

Девки (у амбара поют):

Будет Ваня меня спрашивать
Скажи, что дома нет...
Если хочет, пусть приходит
На собрание в „кульпросвет".

Комиссары перписали
Наш медвежий уголок...
Не проси у тяти каши —
Все забрали „в продналог".....

Председатель (вслушиваясь). Ну и публика. Да ведь как складно.

Голоса. В самый аккурат потрафили... Делать то им, псам, нечего, вот и собирают сбирушки...

Колябка. Так то-так, а поди вот выдумай.

Голоса. Нам не до этого, некогда зубы скалить. Вы про деле толкуйте.....

Дуня. У Саввки глаза горят, охота с мужиками схватиться....

Саввушка. Постой, Дуня (слушает), уж больно народ бестолковый, горе одно. Сами не понимают, а другим не верят. Упрутся, как баран у новых ворот и с места не сдвинешь.....

Соня (ласково). А ты не связывайся, пусть сами грызутся....

Саввушка. Эх, Соня, Соня. Не знаешь ты меня. С роду у брода не стоял. Не хочется с отцом ссориться, а на правду слово скажу....

Соня. Значит меня не любишь....

Саввушка. Грех тебе, Соня... (отходит в сторону).

Семен. У меня три едока, по две десятины на рыло приходится, значит готовь тридцать пудов.....

Колябка. А ты думал. По-божески, ежели, с кого и взять, как не с тебя. На об'едь не жалуйся—все работники....

Семен. Я не виноват, что ты полну избу нагнал, старатель, нечего сказать.—Ты бы на поле так...

Колябка. Нигде охулки на руку не положим, нас, брат, тоже без голиц не возьмешь, за милу душу....

Мироныч. О пустяках все, давайте о деле толковать. Время не ждет. Вон Саввка, надысь в газете читал, такая погибель. Народ-ат, вишь, как мухи мрет, а мы здесь сговориться не можем—сбирать, аль нет, толкуем...

Председатель. Кабы мы распоряжались, известно и говорить бы не о чем, да вишь нас не спрашивают, давай да и все...

Мироныч. А ежели так, нечего из пустого в порожнее переливать—собрать, да и в волость, али куда там... По-моему волынка одна весь разговор этот—везти да и все...

Семен (злобно). Вези, коли лишнего много...

Мироныч. Я то повезу, да и тебе не миновать.

Шум. То-то и оно, одним увезти нет ничего, а другому. А что другому. Последнюю кроху што-ли. Хорошо ему, Миронычу-то...

(От амбара подходит Саввушка).

Саввушка (улыбаясь). А драки не будет...

Мироныч. Не без этого...

Председатель. Хошь бы ты, Саввка, стариков уму разуму научил.

Саввушка. Уж больно совестно, (щиплет верхнюю губу). Ни усов ни бороды, как есть на ладони...

Колябка. А ты валяй, полно, волос-то он глуп, где и не след растет...

Председатель. Говори, коль просят... (молодежь от амбара переходит к мужикам).

Семен. Помолчал бы, парень, постарше тебя есть...

Саввушка. Душа не терпит (к сходу). Дело вот в чем. Думается мне, что вы главного не понимаете: что такое продналог, кому он нужен и зачем его собирать надо.

Семен. Забыли тебя спросить...

Председатель. А ты не мешай. Валяй, Саввка!

Саввушка (смеется). Товарищи-старички.

Голоса:
Волк тебе товарищ—
Выучись нос утирать...
Да будет вам....

Саввушка (не смущаясь). Я и говорю, если бы понимали так и спорить не о чем. Прошлый год на разверстку жаловались, большевиков ругали: „грабители, мол, последнюю шкуру дерут". Налогом обложили, опять не хороши. Каково вам рожна, спрашивается.

Большевики вам мост построили, электричество провели, ни копейки денег не спросили, а вы из-за десяти пудов глотки деpете. Опять и то надо в разум взять: наш брат—мужик страдает, а кто ему поможет, если мы рук не приложим. На „Мериканский" хлеб не расчитывай, как Мироныч говорил. Давно ли вы на сходе орали, чтобы вам в школах закон божий преподавали, а на что он вам, коли вы и с своим—не справитесь. Будто о боге печетесь, а он над вами первый смеется, дескать и публика „о моем законе сохнет, а на свой рукой махнула"... Где уж вам!. На города, на фабрики жалуетесь... „Дармоеды, мол, на нашу шею сели," а ведь без города нашего брата вошь с'ест. Доктора, агрономы на кого работают?.... А фабричных взять—и ткут и куют, а для кого это? Сами же кричите: „Детишки обносились, бабы без подстав ходят", а кто виноват—на борозде рубаха не выростет....

Семен. Ну и на станке хлеба не намолотишь....

Саввушка (не слушая). Весной пастуха нанимали, осенью хлебом расплатитесь, попу, учителю тоже хлебом, а про станок помянешь—на дыбы становитесь. Все слышали, какая нас беда постигла, народ с голоду мрет, неужто у кого сердце не ужахнет. Целые селения вымирают, а живые с родных мест снялись, да на чужую сторону потянулись. Неужто помочь не сумеем? Звери, говорят, и то друг другу помогают, а ведь мы на-двух ногах ходим, значит в хлев с телятами не загонишь... (говорит более спокойно). Братцы мои, и думать долго нечего: сбирай, что полагается да и марш в город... Не последнее даем—у нас больше останется!...

(Шум).

Голоса: Оно что, говорить....
Нам что, на сыто брюхо...
Без хлеба не сидим...

Семен (Саввушке). Хорошо поешь, где-то сядешь. Только после этого к мому дому ни ногой—не видать тебе Соньки, как ушей своих.

Саввушка (растерянно). Разве я про тебя что?.

Семен. Мне все равно, умен больно....

Председатель. Вот и рассудил, Саввка, а мы дураки: взадь да повороть.

Семен (горячо). Рассудил, как размазал, мой зятек нареченный, да только у кого голова на плечах—пересудить не мешает. Свое добро не след на ветер кидать.

Колябка. Чего еще, чище Саввкиного не скажешь...

Голоса: Правильно, правильно. Саввкина правда. Не звери мы....

Семен. Мы не Саввкиным умом живем. Саввка для меня все равно что тьфу!.

Саввушка. За-зря сердишься, я тебе худого не сделал, а ежели на правду слово сказал, так не взыщи, сделай милость. Я сам такой же крестьянин, с меня, пожалуй, еще больше придется, а мне ничуть не жалко, да ведь и ты не из жадности, а из упрямства споришь... Бывало, сам знаешь, так бы не заговорил, как становой с земским приедут, да последнюю коровенку за хвост с двора потянут, да что корову, самоваришко последний и то за недоимку брали... Обидел ты меня, говорить нечего, жаль мне Соню, только и за нее душой не покривлю (к Соне): не подумай, что тебя не жалко, кажись, кусок живого мяса из сердца легче вырвать, а все-таки на одном стою, если мир моих слов послушает, я с своим горем справлюсь...

Мироныч. Семка, не козырсь, я тебе говорю.

Семен. Ты еще что?

Мироныч. Не козырсь, говорю, поумней тебя нашлись, слушай, коли мир велит....

Семен. Дурак старый, на печи бы лежал....

Мироныч (встает с заваленки). Это я то дурак?

Соня. Дедушко!

Мироныч. Нет, каким он меня словом обозвал. Православные, слышите! Он меня дураком назвал. Родителя! Что я не хозяин в дому, распорядиться не посмею—так врешь, бесстыжие глаза, в бараний рог согну.—(Стараясь говорить спокойно). Православные, всему миру приказываю: налог-налогом, а весь хлеб, который на мою долю Семка отделит—на голодающих жертвую. Так и знайте все, а меня, меня мир не покинет!

(Шум одобрения).

Занавес.

Яков Коробов.

Дети голодающего Поволжья.

Я первый раз увидел в жизни
Детей голодных, первый раз!
И смело брошу укоризну
Всем тем, кто помощь им не даст.
Измучены, полуживые...
Пришлось им долго голодать...
Селения свои родные
Так жаль им было покидать!
Так жаль им было расставаться
С родимой матерью, с семьей...
Но не могли-ж они питаться
Корой, мякиной и землей!
Их путь был труден и далек
И не один из них так рано,
Навек в сырую землю слег,—
В об'ятьях голода—тирана!
Спасем же молодые жизни!
Пускай растут, пускай живут!—
Товарищи, ведь к коммунизму
Нас только дети приведут!

Мих. Орлов.

Спеши на помощь делом.

(УСТНАЯ ГАЗЕТА).

Начинается газета с призыва выслушать внимательно и т. п. Затем читается передовая.

Великое тяжелое бедствие обрушилось на трудящихся республики. Богатейший плодородный край Поволжья постиг неурожай. Там, за рекой Волгой, в когтях голодной смерти бьется 20 миллионов человеческих душ. Гибнет от голода мать, отец, ребенок, старик, — смерть никому не дает пощады—ни старому, ни малому; там гибнет житница республики. Насколько огромна беда, говорят цифры и факты: крестьяне села Ивановки, Пугачевского уезда, Самарской губ. с десятины собрали по 10—20 фунтов зерна и счастливцами среди голодных считают тех, которые собрали по 3—4 пуда. С Пасхи крестьяне Поволжья вместо хлеба едят наравне со скотиной траву, коренья, древесную кору и т. п. (можно привести и другие факты, рисующие картины ужаса неурожая). Голод в Поволжьи — это беда не только крестьян постигших неурожаем местностей,—это беда всей страны, каждого трудящегося в отдельности.

Наша Республика имела в Поволжьи хлебную житницу, которая кормила целые промышленные области и поддерживала в них хозяйственную жизнь. Этот край в интересах Республики, в интересах каждого гражданина должен быть восстановлен, должна быть во что бы то ни стало оказана ему помощь. Все, как один, дружно должны встать на борьбу с голодом! Пусть в трудовой Республике не будет ни одного, который бы не откликнулся на помощь!

С берегов матушки Волги несется стон: шлите помощь, дайте хлеба, мы гибнем!

Крестьянин, рабочий, советский служащий, гражданин Республики! Ты слышишь этот стон, он призывным набатом, не умолкая и все ширясь, несется по нашей стране. Иди же ему на помощь! иди

скорее, немедля ни одной минуты! Жертвуйте всем, чем только можно!

ПОСЛЕ ЭТОГО ПОСТАВИТЬ

Художественный отдел.

Артист со сцены декламирует стихотворение

„С ПОВОЛЖЬЯ".

Солнце, спалившее пашни,
Выжгло и землю и небо;
Нищим богач стал вчерашний,—
Хлеба нет. Хлеба.
Кору, древесные листья—
Большего счастья не требуй,
Рученьки виснут, что кистья,—
Хлеба нет. Хлеба.
Травы сгорели. Ужасен
Голод—могильщик свирепый,
Скот весь порезан на мясо,—
Хлеба нет. Хлеба.
Люди с травою в желудке,
Люди—скелеты из склепа,
Завтра—голодны сутки,—
Хлеба нет. Хлеба.

Братья. Хоть вы помогите,—
Нечего ждать нам от неба;
Сбор наш — батман — ненасытит,—
Хлеба нет. Хлеба.
Только бы жита нам дали,—
Пашни засеяли все бы,
Завтра-б мы вам не кричали:
Хлеба нет. Хлеба.
Наше Поволжье богато,—
Если родится хлеб—требуй—
Ныне лишь просим мы брата:
Хлеба нет. Хлеба.

А. Жирский.

Артист из публики (как бы в ответ) декламирует стихотв

„МЫ ПОМОЖЕМ".

Там, далеко, на Волге солнце выжгло равнину,
Раскалилась от зноя земля.
Но из скудных запасов мы пошлем половину,
Чтоб засеять родные поля.

Там, далеко, на Волге истощенные лица,
И болезни, и стоны детей.
И, покинув деревни, крестьян вереницы
Вглубь России бегут из степей.

Этот год беспощадный для России свободной,
Словно крест, нужно твердо нести,
И должны мы прогнать этот призрак голодный
И от смерти Поволжье спасти.

Там, в степях пожелтевших дикий ужас проклятья
И пожарищ покинутых дым.
Но к голодным на помощь придем мы, как братья,
Все, что можно, мы им отдадим,

Там, далеко, на Волге солнце выжгло равнину,
Раскалилась, от зноя земля,—
Но из скудных запасов мы пошлем половину,
Новой рожью засеем поля. *Л. А.*

После закрытия занавеса, один из товарищей дает сводку о текущих событиях за границей, по России, по городу, по уезду и волости. Сводка должна заключать в себе не более 15—20 фактов и продолжаться самое большее 20 минут.

Сводка делается примерно так:

Голод в Поволжьи обратил внимание буквально всего мира. Пролетарии всех стран, как только до них дошли сведения о голоде, о страданиях русского рабочего и крестьянина, дружно взялись за организацию помощи и, несмотря на свою нужду, они отдают голодному Поволжью все, что только могут (привести последние факты из газет).

Иностранная буржуазия и та заговорила о помощи (факты из газет), но эта помощь реально оказывается немногими, большинство же капиталистов своими разговорами прикрывают заветные свои мысли, а именно: свалить во что бы то ни стало Советскую власть и задушить трудящихся нашей республики. Эти гады хотят воспользоваться голодом для задушения Советской России (примеры: Польша, Румыния. Нюланс и К°.).

Поэтому больших надежд на заграничную помощь ожидать нельзя. Ее может дать только зарубежный рабочий - крестьянин из своего скромного заработка, буржуазия же в большей своей части помощи не даст.

Это учтено Советской властью и трудящимися России, а поэтому трудовой народ республики вместе со своей властью, как один встанут сами на борьбу со страшным бедствием. (Факты по России, губернии, уездам и т. п. по газетам).

Примечание: помимо фактов разных сборов, жертвований, отчислений, субботников, сверхурочных часов и т. п. указывать о ходе продналога по волости, уезду.

После сводки другой товарищ делает раз'яснение главнейших декретов, вышедших за последнюю неделю, месяц, и отвечает на вопросы (почт. ящик). Устная газета заканчивается инсценировкой „Голод", после которой идет сбор.

Открывается занавес сцены и проходит инсценировка:

ДОБРАЯ ДУША.

Перед открытием занавеса автор делает вводные слова:

У мужика душа в кармане—
Суют в карман—ликуй. Душа.
И власть для мужика тогда лишь хороша,
Когда... Чем мысль мою угадывать заране,
Послушайте рассказ вот этот, не спеша.
У Клима Титкина в избе, как в доброй бане.
Клим Титкин прибыл из Москвы,
Почесть, из Совнаркома прямо.
Ну, знамо,
Деревня вся к нему:

Открывается занавес. Титкин сидит за столом, под образом. Около него мужики и бабы (как можно более).

Данила. (Обращаясь к Титкину): Дела, мол, каковы? На счет налога как?

Сидор. Не добивался справки?
Не будет ли какой, примерно, сбавки?

Титкин (прищуриваясь).

На счет налога вам я точно не отвечу.
Зато видал я сам декрет
На счет серебряных монет.
Как власть Советская идет, мол, нам навстречу
И к свету не багром нас тащит, а добром,
То постановлено: крестьянам денег новых
Всем поголовно дать по тысяче целковых.

Данила. По тысяче целковых?

Сидор. Серебром?
Неужто?!
Господи!?

(Остальные загудели).

Данила. Вот это, братцы, власть...

Сидор. Народу порадела.

Все Ленин.

Данила. Вот мужик,

Пошли ему Христос.

Титкин (махая руками). Позвольте, дайте же договорить мне, что ли.

Из этой, значит, доли,

Из тысячи рублей, должны мы сделать взнос...

(В толпе крики удивления).

Данила (удивленно). Мы! Взнос?!..

— Какой?..

Сидор. Куда?

Данила (сердито). Из денег-то народных?!

Титкин. В неурожайный фонд... для мужиков голодных отчислить, значит, мы должны по сто рублей.

Сидор (угрожающе). Врешь ты, брат.

Данила (наступая). Все спутал, дуралей.

Сидор (стараясь перекричать всех).

По тыще нам-то так, все это с делом схоже,

А с нас по сотельной—за что-же?

Общий гвалт.

Занавес.

ГОЛОД.

(Инсценировка рассказа „ГОЛОД“ Д'Эсмолина из „ПРАВДЫ“ № 179).

Лесная декорация. Под засохшим деревом стоит телега с деревенским скарбом. (Можно простую тележку). Около телеги лежит Танька (девочка лет 14). Ванька (лет 15) сидит на корточках и напряженно смотрит вдаль, прислонив руку к глазам.

Танька. Ванька. А Ванька?

Ванька. Чего?

Танька. Не видать?

Ванька. Не видать (пауза).

Танька. Ванька. Очень есть хотца.

Ваньке. А ты думаешь мне не хотца. Погоди, тятька с мамкой придут...

Танька. А вдруг не придут...

Ванька. На, вот те не прийдут... Куда же они денутся-то?

Танька. А может они утянулись к индейскому царю.

Ванька. Пешком-то... Нешто к индейскому царю ближний свет... В неделю не дойдешь.

Танька. А индейский-то царь наших накормит?..

Ванька. Знамо накормит, ежели наши в его веру перейдут.

Танька. А наши перейдут?

Ванька. Знамо перейдут. Потому им: либо с голоду дохни, либо переходи. Да к ему в веру легко переходить, он православный...

Танька. А мы-то как же, к индейскому царю?

Ванька. Тятька попутчика найдет, или есть принесет, мы поедим и пойдем.

Танька. Все пехом.

Ванька. До моря пехом.

Танька. А через море?

Ванька. Наши корабь, вроде, как колчег, состроят.

Танька. А у индейского царя хорошо?

Ванька. Знамо хорошо. Каждому по хлебу, а кому вот будет и по пирогу (пауза). (Вдали показываются женщина и мужчина) Идут. Идут мамка и тятька. Нет, мамка то мамка, а с ней еще кто-то, только не тятька...

Танька. А кто?

Ванька. А я почем знаю... С мешком... (к ним подходит, еле волоча ноги, исхудалая, изможденная и от истощения сгорбленная женщина. В руках ведро воды несет с большим усилием. С ней монах, рослый, упитанный, за плечами мешок).

Монах. Все от того, что бога позабыли, против царя пошли, вот бог-то за наше неверие...

Мать. Истинно... Истинно... (дает пить детям). Зачерпнула было полное ведро, да вылила: не под силу.

Монах. Прогневали бога, царь-то от вас в Индию царствовать ушел и со всеми добрыми людьми, вот ныне и совершает поход из Египта в землю обетованную.

Мать. Истинно... все истинно... Нет ли у тебя, родимый, корочки хлеба какой завалящей. Мне не для себя, вот Таньке хоть...

Монах. Да ты который раз меня спрашиваешь... сказал нету... самому еле хватит...

Мать. Хоть кусочек бы, родимый.

Монах. Нету (пауза). Мало еще вас бог наказал за вашу гордыню, то ли еще будет... 33 года назначено страданий всяких... Знамения были... У великих пророков сказано... Проклят всякий, проклят бунтовщик и грабитель, богохул церкви и монастырей не почитающий. Проклят... трижды...

(Незаметно подходит к ним мужик—отец).

Отец. Это кто тут еще?

Ванька.)
Танька.) Тятька... есть принес...

Отец. Я думал, добрый человек вас накормил: громко разговаривает.

Мать. Все по справедливости. А ты есть принес?

Отец. Поди сама принеси... Кругом-то никого—пустыня... Кто те хлеба даст, когда ни у кого не то, что лебеды-то, куриного помета не найдешь... По дороге шел, землю рыл—коренья, в земле и те посохли... (Мать со вздохом буквально валится около Таньки).

Монах. Все потому, что бога позабыли, против царя бунтовали.

Отец. Брось молоть то. Бога... Бога... Кто—я что ли богу первый ходатай должен быть... Вы же да попы. Значит, вы неугодны богу-то. Кто по твоему за стадо отвечает? Овцы или пастух?.. А ежели пастух, значит, вы пастухи-то никуда негодны были. Вас бог то и прогнал. А нас за то наказал, что долго вас, пауков толстопузых, терпели... Ишь, рожа-то толстая... Небось, у тебя в мешке порыться...

Монах. (Отодвинувшись). Ну, ну. Ты не очень...

Отец. Да не бойся... не вор... подавись ты...

(Появляется фигура в мягкой шляпе, с чемоданчиком в руках).

Человек. Далеко тут еще до села?

Отец. До села-то, мил-человек, недалеко, да в селе-то никого... Да ты откуда..,

Человек. Ехали мы—у телеги колесо сломалось, и лошади не идут, а мне в город надо по делу... А вы куда идете-то?

Монах. От божьего наказания убежать хотят.

Человек. При чем же тут божье наказание. Наверное, от голода на новые места... Не от божьего наказания бегут, а от своего неумения бороться с засухой. Не применили, вот, ни ранней пахоты, ни правильного орошения, ни правильного плодосмена...

Ванька. Танька, попроси ты его, может, хлебца даст.

Монах. Коли бог не допустит, ничего не будет.

О т е ц. Мил-человек, не найдется ли у тебя корки хлеба... Для детей хоть...

Ч е л о в е к. Вы религиозной агитацией не занимайтесь. Тут дело прикладного знания. Я сам бывший социал-революционер, я знаю народ. Если бы он был просвещеннее, если бы он знал основные положения агрономии...

О т е ц. Корку хлеба, говорю, не дадите ли?

Ч е л о в е к. Не перебивайте, пожалуйста...

М а т ь. (Лежащая до сих пор, приподнимается на локте, обводит всех бессмыслен. глазами). Гляди-ко. Гляди-ко. Пироги идут в мешках... кланяются... кланяются... Здравствуйте... пироги в сапожках... Здравствуйте (падает).

Т а н ь к а. (Уставившись в одну точку). Мамка. мамка, рожь колосится... С мельницы у дяди Тита мука с водой бежит... (падает).

Ч е л о в е к. Чего это они?

О т е ц. С голоду это... бредят... кажинный вечер.

М о н а х. То ли еще будет... я пойду... Темно уже... оставайтесь с богом... Бабу-то водой помойте, да потом ей сразу есть помногу не давайте...

Ч е л о в е к. Нам с вами, кажется, по пути... А вам (мужику) мой совет: от некультурности все это, учиться надо. Я как до города доберусь, вам доктора пришлю... (уходят).

О т е ц. Советчики тоже... (Ваньке, который что-то стал жевать) Ты, что жуешь то?

В а н ь к а. Тряпку... в ней сало было... Барин ее уронил... Хочешь?

О т е ц. Не надо... Хуже только раздразнишь... От голода спать, сказывают, хорошо... (смотрит на бабу и Таньку). Да что это с ними... Не шевелятся (теребит трупы). Жена, а жена... Да никак она... С нами крестная сила... Никак померла... Танька? И она... (Ванька ревет). Что же это будет-то. Как же это... Не дотяну ли до утра то... Как же это... (озирается) люди добрые, как же это... Да им бы только по кусочку, по маленькому... Почему бы не дать их тем двум... Небось, у каждого из них в брюхе хоть что нибудь да есть... И в сумках тоже. Нам по махонькому кусочку, (оборачиваясь к публике). Ваня, вон, пойдем просить голодающим, мол. Не дадут ли... Ведь они же наши братья—люди! Эх, Ваня. Пойдем! (обняв, Ваню сходит со сцены). Эй, товарищи, честные граждане. Помогите голодающим, кто чем может... (Производят сбор при открытом занавесе).

К О Н Е Ц.

Голодная семья.

Долго голодал с семьей своей Матвей
В деревушке над рекою Камой.
Долго, терпеливо, слушал плач детей,
Плач по хлебе, по умершей маме.
Все добро с семьей проел уже Матвей;
С'ел корову,—лошадь с голодухи пала...
Померла жена, и, кроме пятерых детей,
У Матвея ничего уже не стало.
Долго по реке коренья собирал:
Из травы готовил пищу, да из глины,
Но от этой пищи сам он захворал,—
Схоронил жену—лишился сына...
Ничего не собрали с пустых полос,
Не вспахали озимое поле:
Не было семян,—всем голодать пришлось,
Но Матвеева всех горше доля...
Долго помощи Матвей из центра ждал,
С горькою тоской глядел на поле:
Коль не вспашет, не засеет, так—пропал...
„Помогите! Сил моих нет боле!"
Но соседям было нечем помогать,—
Собрались они в переселенье,
А в дороге им пришлося испытать
Большее и горшее мученье.
Не уйдут они... воротятся назад
Умирать в родную деревушку!
Грустно, грустно им во след глядят
Заколоченными окнами избушки...
Также и Матвей с детьми тронулся в путь,
В старой лодке, вниз по мутной Каме.
И, голодные, чем далее плывут,
Тем страшней картины пред глазами...
Добрались они до Волги кое-как.
(Много их, голодных, кто им здесь поможет?)

Вышли они на берег, на берегу бивак,—
Тысячи переселенцев,—дальше что?—Все тоже!
—Парохода ждем... с неделю здесь сидим...
У Матвея ребятишки просят хлеба...
Подождите, дети,— лодку продадим...
Лодка нам, уже, теперь—не треба.
Продали, проели, ждут—пождут,—
Что там будет впереди? Не знают.—
Целыми толпами к городу идут...
Многие в дороге умирают!
А из города идут навстречу им
Голодающие с радостною вестью:—
Возвращайтесь все по деревням своим,—
Хлеб идет! И семена получим вместе...
—Кто сказал? —В Совете! — Уж по волостям
Хлеб и семена распределяют!—
Власть Советская не даст погибнуть нам!
Хлеб нам отовсюду доставляют!
—Так воротимся ж, товарищи, назад!—
Сообща поля свои засеем!
Дружно за работу и в цветущий сад
Мы пустыню нашу превратить сумеем!
—Ну, а мне назад до дому не дойти—
Говорит Матвей,—и нет моей охоты:
С голоду умрут мои ребята на пути...
В город я пойду искать работы.
—Нет, в Совет иди!—Твоих ребят
В Детский дом отправят, сам же,
С нами вместе, сеять и пахать
Возвратись, что ты на это скажешь?
—Если мне помогут, граждане, так я
С вами поборол бы все беды лихие!
Чем итти нам в дальные, незнамые края,—
Дружно к жизни возродим поля родные!

Мих. Орлов.

Там, где умирают с голоду.

В селе Ивановке.

I.

В своих корреспонденциях с „голодного фронта“ я буду рассказывать дальше настолько неправдоподобные на „сытый взгляд“ истории, что боюсь—не показались бы они просто „страшным фельетоном“, только злободневной литературщиной. В предупреждение этого спешу оговориться, что в них не встретится ни слова вымысла, никакой отсебятины, собраны в них только факты, или тщательно мною проверенные или для меня очевидные; все упомянутые села и деревни существуют в действительности, названные имена и фамилии доподлинны, все может быть подтверждено сотнями свидетелей.

Уже в Саратове из бесчисленных разговоров на голодные темы стало ясно, что „настоящий голод“ надо искать в глуши Заволжья, в степях. И я двинулся в степь в уральском направлении. Как и подобает глуши, поезд идет туда раз в неделю. На станции „Ершов“ пересадка на узкоколейку, держу путь в Пугачевский уезд (б. Николаевский), Самарской губернии. О неурожайных бедствиях этого уезда разговоров больше всего. В этих крошечных вагонах народ все местный, люди маленькие, узкоколейные, и потому разговоры все исключительно о своих делах. И тема одна—голод, — иных „своих дел“, как слышу, тут нет ни у кого. Понятия дробятся. Уездный масштаб отпадает. Речь идет о волостях, об отдельных селах, деревнях. Ясно, что мы в'езжаем уже в царство самодержавного голода.

На станции „Римско-Корсаково“ отрываюсь от поезда и обследую здесь группу сел: Савельевку, Милорадовку, Родники, добираюсь до Пугачевска. Отсюда деревня Клопиха с одной стороны, затем подаюсь в другую и здесь становлюсь кочующим очевидцем жизни, точнее, умирания большого растянутого кольца селений: Таволожка, Ивановка, Чернава, Ивантеевка, Карловка, Кармелин, Яблоновый Гай, Горелов Гай, Журавлевка, Гусиха, Порубежка, Преображенск, Новинки, Давыдовка.

На голодном фронте, как и на фронте войны, все картины в

основных своих тонах повторяются; отличимость их обозначается лишь отдельными штрихами, и потому, чтобы создать представление о голодающей деревне вообще, я остановлюсь подробнее на какой-нибудь одной. Например, на Ивановке,—она типичнее других. Три села кряду—Таволожка, Ивановка и Ивантеевка—находятся почти буквально в одном и том же положении; немного поодаль, скажем, в Гусихе дела обстоят немного лучше, но это только вопрос времени,—через месяц и в ней будет тоже печаль.

От последнего привала, от Таволожки до Ивановки считается 18 верст; но я этому не верю, и начинаю в дороге думать, что здесь не 18, а 180—380 верст—так бесконечно долго и изнурительно тянется этот переезд. Я не бывал в этих степях раньше, и потому мне с большим трудом верится, что в прошлые годы („когда еще наш уезд не был проклят", местная присказка), они были покрыты травой и сплошь зеленели. Теперь они так выжжены, так затвердела их почва, что более всего напоминают они паркет,— сплошь желтые и гладкие. Ни травинки на них. И подумать только, что эти степи, этот паркет—„выгон"! На них посылают „кормиться" скот...

Уже много дней скитаюсь я по этим пугачевским землям и ни разу еще не видел в небе и облачка. Солнце палит с каким-то ожесточением. Казалось бы,—довольно; уже сделало оно свое злое дело, выжгло, разорило целый край, но ему все видимо мало и палит оно и палит. И особенно нестерпимыми становятся его обжигающие лучи в степи, когда долгими часами не видишь кругом ни кустика, ни травки, ни признака воды,—доподлинно Сахара. И хочется в такой обстановке проклясть солнце—эту лучшую прикрасу человеческой жизни, и пожелать ему померкнуть,—так „допекает" оно. И все тут вместе—и солнце, и пыль, и выжженные поля—все ополчилось против путника, но, конечно, злейший его враг здесь—это лошади. Достать от деревни до деревни пару лошадей—великое мучение, но пользоваться их услугами еще мучительнее. Идут—идут и станут. Станут и стоят. Кнут на них не поднимается, уговорить их разнотонными „н-но" нельзя. Остается сидеть и греться на солнышке, пока не решат они вопрос, что делать им дальше: сдохнуть сейчас же на месте или протащиться немного еще. Нет вида более скорбного, чем эти крестьянские лошади. Ребра выступают, как обручи на бочке, кости выпирают и тут и там, кожа облезшая, губы отвисли, глаза мутные. И часто по дороге встречаются грустные сцены: лежит недвижный конь, тут же выпряженная телега и беспомощный владелец их, —он почти невменяем, еще бы—потерять в данных условиях пос-

леднюю лошадь—потерять все. Однако, не виду сдохшей лошади надо удивляться здесь, а тому, как остались еще не сдохшие,—к такому удивлению призывает прежде всего весь этот необозримый „выгон“, этот „подножный корм“, а других кормов в этих местах почти не сыскать.

Когда дорога ползет на пригорок или просто становится попесчанее, потяжелей, и я, и возница слезаем с фургона и кое-как плетемся рядом с ним. В подобных случаях среди старательных корреспондентов принято разговаривать или, по крайней мере, передавать в печати разговор с возницей,—но на этот раз мне приходится нарушить эту милую традицию. Возница был должно быть раньше мужик дюжий, „делегатный“, но теперь, видимо, нужда совсем заплюганила его, и стало не на что смотреть. Да и то сказать, еще при выезде из Таволожки он мрачно буркнул себе под нос, что „сегодня бабa еще и листов заварить не успела“.

— Так ты и не ел ничего?

— Есть-то ел,— отвечает,—тыква там у нас осталась, да только ведь ребенкам оставить надо...

После куска тыквы за день, людям не до разговоров, да еще в этаком пекле, и я, разумеется, избегаю каких бы то ни было расспросов. А сам он молчит. Весь разговор наш,—и это почти что за день,—можно на память передать со стенографической точностью:

— Ну, а помощь-то будет нам?—спросил он без всяких предисловий.

— Конечно, будет.

— А когда она будет-то?

— Совсем скоро теперь будет...

— Вот то-то и есть...

И эта фраза, видимо, не относится уже ко мне, а просто является звуковым завершением его собственных каких-то мыслей. Прошло в знойном молчании по меньшей мере полтора-два часа и возница вдруг опять повернул ко мне голову.

— Так вот выходит, что если она не скоро будет, то нам всем тут край пришел. Нельзя нам ждать... И скоту нельзя... Ведь вот она скотина,—сами видите... И люди помирают... Когда она будет-то помощь?—Как вы там?

— Совсем скоро...

— Ну да, коль успеете... Дай вам Бог, а то не дождемся...

И опять молчание.

Давно уже молчит на горе перед нами белая, высокая колокольня Ивановки, но доползаем до неё только в сумерки. Въезжаем в село. Перебираемся по дырявому мосту через совершенно высохшее русло—единственной местной речонки. Начинаются гумна, избы и, прежде всего, что бросается в глаза, это их „об'еденные" крыши,—торчат одни стропила, как скелет без кожи. Село, видимо, большое, раскинутое. Нам нужно в волисполком, а где он—возница не знает. Спросить, но у кого? И это первое, жуткое впечатление: сколько ни плетемся по селу,—ни одной живой души,—ни курицы, ни собаки, ни человека.

— Вымерло, что ли, село? Народ-то где?—не спрашиваю, а просто невольно вырывается у меня.

— Да, а чего ходить-то,—отзывается возница,—с травы-то много не находишься,—лежат все больше...

Все-таки встретилась в конце-концов баба и указала нам рукой:

— Где церковь, там и совет... там увидите... там и народ.

Кончилась дорожная пытка, вхожу в исполком и даже к счастью своему застаю председателя. Здесь действительно есть и народ.

II.

Председатель исполкома—местный крестьянин, коммунист, живет в Ивановке, что называется, сокон веков и знает всю подноготную каждого двора. Человек он обходительный, „ровный", умеет ладить со всеми, и сколько ни приходилось мне разговаривать о нем с крестьянами,—ни одного худого слова, а это бывает, как убедился я здесь, далеко не во всех деревнях.

Деловито просмотрел он мой мандат, встретил в нем упоминание о Комиссии Помощи голодающим и просветлел на этих словах.

— Надо, надо помочь нам,—заметил он,—погладив бороду и дальнейшее в мандате видимо мало интересовало его,—надо потому, что, правду сказать, скоро у нас и голодающих не будет—одни умирающие...

— А много умерших?

— А вот так, что от голодной смерти по нашему селу зарегистрировано без малого двести человек, да вот еще сегодня померли.

— Двое сегоднешнего числа вынесено—раздался чей-то подтверждающий бас справа от меня. Я повернул туда голову и увидел огромную фигуру священника.

— Это отец Павел и, в то же время, наш советский служащий, — поспешил познакомить нас председатель.

Пока мы рассматривали, „присутствие“ мало-по-малу начало заполняться крестьянами. Подошла затем учительница. Уже стемнело, итти на село было поздно, и вечер протек в общем разговоре. Ценность этого разговора заключалась, прежде всего, в его правдивости. Говорили исключительно о том, что доподлинно знакомо каждому из присутствующих, не могло быть в такой обстановке ни преувеличений, ни приуменьшений, малейшая ошибка вызывала дружную поправку других, и вся разнесчастная жизнь села слово за словом развертывалась в большую, жуткую картину, под которой можно подписать одно: „обреченные“.

Трудно двигаться крестьянам, все они истощены до последней возможности, у большинства — распухшие ноги, ходят с палками, качаются, но сегодня они все-таки приплелись в свой совет. Весть о том, что в совете „приезжий“, какими-то путями все же расползлась и по этим мертвым улицам и взбудоражила всех, заковыляли все, кто только мог. И, понятно, все если и живы еще, то только надеждой, что вот, с минуты на минуту, приедет кто-то, волшебник, и спасет всех от неминуемой иначе смерти. Ждут буквально чуда и верят в него.

— Тихий у вас народ?—спрашиваю я на следующий день председателя.

— Да, вот видели вчера,—ответил он,—как тряпки мокрые, ни звука от них теперь. Раньше-то не то было. Как началось это у нас голодание в первое-то время,—не привыкли что ли еще,—сейчас—к совету; галдят, напирают, хлеба требуют, „умираем“!—кричат; мы, бывало, и так и этак, знать ничего не желают—„хлеба“!—да и только. А вот теперь, видите, как утишились... постепенно дошли. Видят, что и у нас-то в совете никакого хлеба нет, что и сами-то мы, хотя и власть, а тоже на лист перешли,—вот тут и поняли все и стали утихать, все тише, тише, да так и вовсе замолкли. Теперь не то, чтоб кричать там, а и слова-то от них не услышишь, придут в совет, понаведываются: нет ли чего насчет помощи, да так молча и по домам.

Двести человек умерших уже теперь—в августе, эту цифру надо понять, а для этого надо знать, что голод не так уже легко справляется по деревням со своими намеченными жертвами. Человек живуч и сопротивляется он голоду поистине с изумительным упор-

ством. В процессе сопротивления нарушаются, как увидим, далее, все обще-установленные законы физиологии, организм приспособляется к совершенно не свойственным ему функциям, и нужно, чтобы иссякли действительно все возможности жевания, только жевания, для того, чтобы русский мужик сдал, наконец, свою жизнь голоду. Пока он хотя бы что-нибудь жует,—он живет. Я, например, только здесь, впервые в жизни, услышал и убедился, что человек ест дерево в буквальном смысле слова.

Над селом Ивановкой за последнее время тяготеет какой-то злой рок, как принято говорить о таких незадачливых селах.

Большое это село. В нем тысяча дворов и около 6 тысяч жителей. Раньше богатое было село.

—Мучное,—как поясняют крестьяне,—прямо забито все было мукой, да и мука-то—первач...

Но вот налетает вдруг на Ивановку сыпняк, принимает дикие формы и уносит триста жизней. Затих сыпняк,—откуда-то заносит холеру. Холера развивается в настоящий мор. Сейчас указывают на заколоченные дома, в которых „всех уложило", семья в пять человек, семья в 6 человек—всех за два дня повынесли на кладбище, и соседи забили ставни наглухо гвоздями. Я просматривал в церкви „книгу о погребенных", и у меня пестрела в глазах одна и та же пометка: „холера".

—Вы не поверите—вспоминает священник,—по десять, по двенадцать гробов выносили в день. Отпевать уже и думать было нечего. Народ паника охватила... растерялись все...

Соберутся к церковной ограде, обступят священника, схватят его за рясу и в отчаянии начинают допытывать его, будто ему поведана тайна свыше:

—Батюшка, да что же это, конец всему селу пришел? Ты скажи нам, что-бы каждый знал наперед..

И были все беспомощны, как малые ребята.

Как неизвестно откуда взялась здесь холера, так непонятно, почему она как-то вдруг, в самую жару, сошла на нет, и в „книге погребенных" запестрел уже другой псевдоним смерти: „голод", „голод".

Недоедание началось в Ивановке еще с Пасхи, питались кое-как, „загоняли" всякий хлам, ложились спать голодные, но никто не унывал, и чего было унывать, когда уже до нового урожая было рукой подать.

А когда показались всходы, то и совсем забыт был голод.

Всходы сулили редкий урожай, до двухсот пудов с десятины по меньшей мере. Можно быть сытыми уже одними такими „видами на урожай".

Сытее стали от этих видов по очень простым причинам. Пустили все „под урожай". Полетели за гроши телята, овцы, поели кур, и все это с легким сердцем,—не нынче—завтра будет новый хлеб, и все вернется сторицей, урожай покроет все.

Апрель прошел без единой капли дождя. Солнце буквально жгло. Это внушало некоторую тревогу, но надежды еще не были потеряны. Впереди май. Один—два дождика и все поправится.

Шел май. Прошла неделя, другая,—дождя все не было. С полей возвращались пришибленные.

—Колос как в чахотке сох,—рассказывает ивановский фельдшер. Народ толпился в совете,—как будто здесь хранились ключи от хлябей небесных; служили молебны „о ниспослании влаги",—солнце попрежнему было неумолимо.

И уже всю республику облетело роковое слово:

—Засуха.

Все погибло сразу, как бурей опрокинуло все расчеты и надежды, словно экстренный поезд на всем ходу сорвался с рельс.

Но и этого мало, одна беда по поговорке не ходит—„беда беду приводит",—так вышло и здесь. Засуха привела с собой саранчу.

Урожай был сожжен, но на полях еще оставались редкие всходы:—„колос от колоса не слышно голоса".

—Думали хоть что-нибудь соберем,—говорят крестьяне, хоть по 30 по 20 пудов возьмем, ан глядь, кобылка поперла тучей...

Саранча („кобылка", „кузнец") подъела все „начистую" и в конце концов только счастливчики собрали по 20—30 фунтов с десятины; другие не сняли ни зерна.

Ивановские крестьяне с особой обидой на судьбу рассказывают:

—И ведь не везло-то как, вот будто нарочно Господь все против нас оборотил. Видим как-то туча идет, хорошая, дождевая, вот прямо на нас идет, повыскочили все, ждем, возрадовались все,—хоть что-нибудь да смочит... И что же вы думаете? Шла, шла эта туча и перед самым нашим селом взяла и повернула, так боком и срезала... Карловку смочило, и Кармелик смочило, нам хоть бы каплю уделила,—ни-и-чего!

В Карловке сразу подняло от трех до пяти пудов, а нам так еще хуже стало, потому что на нас оттуда и вся кобылка повернула,

—она ведь, где сырость не любит, вся к нам и пожаловала, на сухмень-то нашу.

Из этих непонятных небесных комбинаций крестьяне сделали один жестокий для себя вывод:

Значит, и Бог против нас... Тут уж покоряйся...

И опустили руки.

III.

Началось голодание уже без всяких „видов“.

Собран „урожай“. Некоторые и совсем не выходили на свои засевы: на их участках не оказалось ровным счетом ни колоса. У других дела обстояли лучше,—приносили домой по 10—20 и даже 30 фунтов с десятины. Сбор этот носил невиданный доселе характер. Не жали, не косили, а просто люди ползали по своему полю и выщипывали „урожай“ по колоску, выщипывали поглубже, с корнем, чтобы не пропал ни один сантиметр спасительной соломы. Невиданно протекала и дальнейшая часть этой „страдной поры“,—собранный хлеб не молотили, не веяли, не мололи, а делали так: неочищенный колос, (чтобы и усики не пропали) вместе с соломой с корнем, со всей шелухой подсушивали в печке и затем просто толкли в ступе или пропускали сквозь самодельную ручную мельницу. Хлеб был готов, и это все-таки был хлеб.

Дальше уже начался подножный корм, единый и для людей и для скотины. Неподалеку от села есть маленький лесок, в него чуть свет и направлялись овцы, коровы, лошади, крестьяне и все вместе, одним стадом, наслись там, пока держался утренний холодок. Питались одними и теми же корнями и травами.

Длинен перечень трав и листьев, которые шли здесь на пищу человеку: повилика, терн, лебеда, просвирник, папоротник, дубовый лист, какие-то „шляпки“.

— Одним словом ели,—говорит крестьянин,—все, что на земле произрастает, что на глаз попадется, то и в рот.

Некоторые травы, как, например, щавель, кашку поедали тут же на месте, сырьем, другие же шли „на кухню“ и здесь сортировались—эти на хлеб, те—на горячее.

Хлеб делается главным образом из повилики, терна и лебеды. Траву сушат, толкут порошок, ставят на воде и „для связи“ бросают туда щепотку муки. И такой-то хлеб могут делать не все, а лишь избранные обладатели хотя бы горсти муки.

Таких избранников день ото дня, конечно, становилось все меньше. Часто слышим теперь:

— С самой Пасхи так хлебца и не видали... как разговелись тогда по кусочку, так на том и остались.

С мукой же делается и так называемая „затируха", самое пока еще распространенное кушание. Кипятится вода, бросается туда горсточка муки, и это—весь рецепт. Соль здесь давно уже выведена из употребления. В результате—баланда, именуемая то „супом", то „лапшой".

Хлеб из листьев и трав—твердый, доподлинно каменный и как его переваривают желудки,—это непостижимо, это тайна русской природы. Цвет его или черный „земляной", или зеленый. Говорить о его питательности смешно. В лучшем случае он нейтрален, безвреден, но нередки случаи и худшие. Особенно „камнем ложится" хлеб из терна, безусловно вредно действует повилика,

— От повилики глаза туманит, как безумие настает,—рассказывает крестьянин.

Мы сидели на крыльце дома священника. Быстро подошла какая-то женщина и торопливо заговорила.

— Батюшка, скорей, ради Бога, Анютку причастить...

— Что с ней?

— Сердце хлебом выжгло... загорелось с сердца все нутро... кончается.

Священник живо обрядился в камилавку и подрясник („всегда под рукой"—сказал на ходу) и скрылся за углом. Быстро он и вернулся, отрывисто об'яснив нам причину вызова.

— Повилики наелась... умрет...

В самом начале лета жара установилась нестерпимая. „Травы пеклись", да, и кроме того, под'едали их. „Вкусные" оставались кое-где. И тут начался травяной кризис.

Когда-то, в хлебные годы, в этом округе много возни было с сусликами, мешали они, вредили. Боролись с ними всевозможными мерами домашними и „агрономными"; помогали эти меры плохо.

Пришел голод, и кончился суслик. Радикальную меру против него нашел не ученый агроном, а слюнтявый мальчишка: однажды с голоду он взял да и с'ел суслика. Понравилось, сказал другим. Попробовали и другие. Короче говоря, теперь в этих степях легче устрицу найти, чем суслика,—всех переели.

Зоркий глаз голода пытливо останавливался на каждой травке,

на всем живом и все примеривал, прикидывал на свой утробный аршин.

Как-то приходит к соседу в конец отощавший мужик Антон и подмигивает на Полканку, в конец отощавшего пса.

— Уступи ты мне,—на кой он тебе ляд?

— А тебе-то в нем что?

— Мне сгодится...

— Кормами разбогател должно быть...

Антон улыбается с хитрецой.

— Зачем,—кормами! Чай он и сам нас накормит...

Не добился сосед толку от Антона, но пса ему отдал,—стеречь все равно нечего.

Антон всенародно с'ел эту собаку, и с тех пор перевелись на селе собаки. И никто не осудил, не посмел осмеять Антона. Рассказывают об этом просто.

— Всякую живность переели...

Но что собака! С'есть зарезанную собаку считалось в своем роде лакомством. Ели всякую падаль, трупы всех животных.

Один крестьянин украл корову. С энергией и ловкостью голодного вора он ночью зарезал ее за селом и огромными кусками перетаскал всю в заброшенный погреб. Соли у него, конечно, не было. Жара адская. Мясо, разумеется, „запрело“ через два-три дня.

Пропажа целой коровы на голодном селе—событие. Искали ее всем народом; как в воду канула. И, наконец, случайно нашли уже „по запаху“. К погребу стало нельзя близко подойти. Говядина давно вся разложилась и кишмя-кишела червями. Но выяснилось, что каждую ночь аккуратно удачливый вор спускался в этот погреб и там в темноте, опасаясь „чужого глаза“, клоками подрезал это „мясо“ и глотал его сырьем, вместе с червями и тем был сыт, был жив...

О том, что во время голода крестьяне едят кору,—об этом слышали все. Для села Ивановки не хватило в этом году и коры,—местность здесь безлесная.

Начали есть дерево.

Берут дубовый сук „помоложе“ и мелко-намелко крошат его топором. Получается нечто вроде опилок. Потом эти опилки на листе ставят „в дух“, потом их мельчат в ступе в порошок, и готова „мука“.

Переваривают ивановские эти „сверх'естественные какие-то желудки“—луженые должно быть—и такую деревянную муку.

Ядовитые травы, всяческая падаль, черви, дерево,—вот оно крестьянское смертное меню, и теперь мне представлялся скорбный случай воочию познакомиться с тем, как люди умирают при этом неслыханном человеческом питании.

IV.

На утро я встал рано и часов в пять вышел на огромную церковную площадь. Солнце было еще бронзовое, но уже ясно намечалась очередное дневное пекло. Село только просыпалось: выполз из церковного домика старичок диакон, и мы с ним присели на завалинке „уехавшей“ избы.

— До первого дымка так не вылезет никто,—сказал старичок,—как закурит где нибудь труба, так и потянутся...

— Это почему же?—не догадываюсь я.

— Спичек нет, и выжидают друг друга: кто не выдержит первый, запалит, ну вот все к ему и норовят за угольком, скоро теперь...

По площади прошла тихо-тихо женская фигура с коромыслом. Вышли откуда то еще две женщины, приблизились к церковной ограде, остановились и начали как-то непривычно для глаза молиться; поклоняться низко и затем глубоко назад и надолго запрокинут голову.

— Это в небо они нашептывают,—все так у нас,—пояснил мне диакон. О дожде господа молят...

Вскоре где-то „закурилась труба“, и действительно и там и тут показался народ. Мы,—подошел еще мой спутник фотограф,—двинулись по селу.

Один домик стоит с заколоченными ставнями, другой, пятый, десятый,—владельцы их „снялись“ и бежали от голода. Заглядываем во двор крестьянина Ивана Казачкина. Пусто, только котенок бредет, качаясь, еле волоча зад, как на пришибленном спинном хребте. Заходим в избу. Семья у Ивана по деревенски небольшая,—жена и четверо детей Жену мы застали у печки. Она билась над чугуном, не хватало силы продвинуть его к огню. Пытался помочь ей и сам Иван, но и его сил было мало. Он только зря качался с ухватом на своих распухших ногах. Эта семья из тех, которые еще на Пасхе в последний раз „разговлялись“ кусочком хлеба.

Я подошел к загнетке и заглянул в чугун. В нем варился завтрак, обед и ужин, словом „пища“ на целый день и для всей семьи.

То же самое варилось и вчера, и неделю и две тому назад. Чугун до краев был наполнен водой, и в ней зеленела трава, какая-то крупная, с колючками скорее похожая на хворост. Приправ к этому супу, что ли,—не знаю как и назвать,—конечно, ровно никаких.

В темноте на печке, под самым потолком сидели два ребенка, один лет пяти, другой лет семи. Они больше напоминали восковые фигуры из какого нибудь паноптикума. Были совершенно неподвижны, не бледны, а белы. Глаза их остановились, и не было у них взгляда. Как у кукол бывают глаза.

—Как зовут тебя? обратился я к младшему.

Он молчал и не шевельнулся.

—Миколка он,—отозвалась мать.

—Коля, ты слышишь, что я тебя спрашиваю?—обратился я к нему снова, полуоборот опять был тот же. Как был в полуоборот от меня, так и остался, даже и головы не повернул. У меня мелькнуло естественное сомнение, что живой ли он.

—Вот и сон их теперь какую ночь не берет,—говорит мать,—как сидят вот сейчас, так всю ночь напролет и высидят... и есть не просят и под себя ходят... а не помирают,—мука на них глядеть... и для них то уж лучше было бы...

Говорила это мать голосом ровным, без вздохов и ровно ничего не выражали при этом ее без конца усталые, полуприкрытые веками глаза.

Я попросил достать детей с печки. Старший еще держался на ногах, но Миколка почти сейчас же осел на пол. Особенно жуткое впечатление производил он в тот момент, когда еще стоял. Он весь напоминал сказочную избушку на курьих ножках: ножки его тоненькие как спички, а над ними огромный вздутый шар—живот. Копмар, а це ребенок.

Пока фотограф снимал этих детей, отец их говорил нам:

—Побольше, который может еще и недельку потянет, ну а меньшой то, Миколка, так думаем, что к завтрому погаснет...

Потом я узнал, что отец был прав,—Миколка действительно умер на следующий день.

Пока мы стояли, во дворе у калитки собрался народ. Стояли молча, и лишь изредка кто нибудь бросал одну и ту же фразу:

—Ну, а когда же помощь-то будет?

Что я мог им ответить на это, да еще перед лицом этих двух „погасающих“ детей?! Молчал и я, и, казалось, с какой-то особой вызывающей наглостью щелкал равнодушный аппарат фотографа...

Из толпы вдруг выделилась старуха вся костяная, обтянутая желтой кожей, подошла ко мне вплотную и начала дергать меня за рукав, смотря на меня в упор.

—Ты слышишь меня что ли-ча? заговорила она грубым голосом.

—Слышу, бабушка...

—Да нет, ты слышишь-ли?! Слышишь ты, говорю, али нет?!

—Да, да,—что ты бабушка?

Она вытянулась вся вперед и совсем приблизила свое лицо к моему.

—Помощь-то будет ли? Слышишь ты,—будет ли помощь, говорю?..

—Будет скоро...

—Ну, смотри! Я сирота! Наши уехали, одну меня оставили... помираю я... за травой ходить не могу я... помру я без помощи—ты слышишь меня?.. И травы принести мне некому. Вчера не ела, третьего дня не ела, слышишь ты это? Когда она будет, твоя помощь то? Запиши ты меня на очередь...

Она сума сошла, подумал я, и еле освободил свой рукав из ее костлявых старческих пальцев.

Из хаты в хату переходили мы, и повсюду та же картина: чугун с травой, восковые дети на спичечных ножках, опухшие лица, молчание и лишь время от времени все тот же единый проклятый вопрос:

—А помощь-то будет ли?

И совсем уже проклятым стал этот вопрос в одной семье: на лавке лежал прикрытый дырявой овчиной хозяин. Здесь смерть уже не делала тайны,—он явно умирал. Заслышав шаги и чужие голоса, он приоткрыл глаза и тоже,—и он тоже!—чуть слышно спросил:

—А помощь нам будет?

„Нам“!.. резнуло мне ухо.

Хотелось с жестокостью ему сказать: „тебе то, братец, уже во

всяком случае помощи не будет", но разумеется я ответил ему более жестокой ложью:

—Будет, братец, скоро будет...

Ложью—потому, что помощь, конечно, будет, но не для него...

V.

В полдень солнце пекло уже с такой яростью, что бродить дальше по селу буквально не было возможности, и мы направились в исполком. Здесь мы застали картину, по словам председателя, обычную за последнее время, а именно: „решали как быть с ворами".

Воровство в Ивановке идет шаг за шагом за голодом. Раньше село и знать не знало, что такое „свои" воры. Были кражи, но виновными в них почти всегда оказывались разные бродяги „с неясными документами". Не то теперь.

—Вот,—указывает председатель на худую взлохмаченную бабу в толпе приведенных воров,—Аннушка—родная дочь самого что ни на есть богатого у нас мужика, т.-е. раньше богатого.—И не стыдно тебе, Аннушка,—обращается он к ней,—третий раз тебя за неделю—скажем, приводят,—что же ты это?

Аннушка в состоянии, видимо, близком к истерике, и она уже не говорит, а кричит:

—Ну и сажай, сажай! А умирать не хочу... Не хочу я помирать...

Аннушку „взяли с тыквы". Каждую ночь набирается в общем по 15—20 человек. Крадут друг у друга все, что только можно жевать. „Сажать" нельзя, некуда, да и у каждого вора сейчас одна мечта, чтобы его посадили,—хоть кормить там будут.

—А ведь так,—резонно замечает председатель,—всю деревню не усадишь, да и к тому же, говоря по совести, какие же они воры?! Голод крадет взаместо их...

В конце концов все эти „воры" тут же к великому своему огорчению получают снова свободу, лишний раз услышав истину, что „воровать не годится".

Голод перемешал у всех и все понятия. Люди сами о себе говорят, что они „совсем помутились", делают, сами не зная что, не отдавая себе отчета, все думы концентрируются на одной мысли—„где бы и как бы чего нибудь с'есть, и эта мысль заслоняет собой все реальные условия жизни. Начинается жизнь впотьмах, на ощупь.

Особенно резко эта вышибленность из колеи хотя бы самой примитивной, можно сказать, инстинктивной логики сказывается в так-называемом беженстве. Бродишь по селу и поражаешься количеством забитых домов. Сейчас из Ивановки уже уехало до трехсот дворов. Остальные наготове. Напрасно вы стали бы уговаривать крестьянина не уезжать, он будет внимательно на вид слушать все ваши доводы, кивками головы даже соглашаться с вами, но резюмирует он вашу речь,—будьте уверены,—кратко и убежденно:

—Так то оно так, а все таки надо ехать...

И уедет. Какая-то бацилла переселенчества гуляет по селу и лихорадит всех. Люди становятся маниаками. Теперь уже в каждом селе достаточно накопилось печальных опытов этих слепых от'ездов, но и они в резон не идут. Вот длиный, как жердь, и худой, как она, еле стоящий на ногах, крестьянин Константин. Словно вихрем его подхватило и закрутило. В момент распродал „почем зря" все, на что только нашлись покупатели, бросил все, чем никто не прельстился, и на подыхающей своей лошаденке уехал... на Кавказ. Через две недели он вернулся домой, проехал всего сто верст, проел в дороге за это время все, что мог, и повернул назад.

—Почему же ты вернулся?

И он отвечает с серьзностью ребенка:

—Лошадь стала...

О чем после этого можно разговаривать с этим взрослым ребенком?! Но оказывается больше того,—Константин вернулся в надежде—„може кто хату купит" и тогда опять на Кавказ. И столько в этом его решении тупого упорства, что никто уже не отговорит его,—он уедет, если даже не продаст хату.

—„Все раавно помирать",—вот общее для всех от'езжающих об'яснение и оправдание бессмысленных от'ездов неизвестно куда и зачем, просто „куда бог—припутит".

Два слова „есть" и „бежать"—завладели умами села и выкачали из него все соки жизни. Село стало картонным. Без пульса. И люди, которые еще бродят молча по селу, начинают казаться заводными трупами, человеческими тенями...

VI.

Сыпняк, холера, голод. Ежедневно похороны. Ежедневно кого нибудь провожают „куда бог припутит". Как будто тает село под этим палящим солнцем.

По указанию из центра только что организован „крестьянский комитет взаимопомощи". Ищу председателя.

—Уехал в Ташкент...

Разговариваю с учительницей,—она осталась одна. Бродит без дела, голодная, растерянная.

—А ваши коллеги?

—Уехали...

Беседуем со старичком фельдшером, тридцать лет он в этой округе „вместо доктора". Вздыхает и говорит:

—Пока еще выдавали провиант, был тут у меня холерный барак,—название только такое. Принимал туда всех, лечить все равно нечем,—просто так, подкармливал по очереди, кто совсем уже плох. Три дня поест больничного—придет в себя—выпишу, другого кладу. Ну потом иссякло питание—распустил больных и барак прикрыл. Лечу кое какими травами, да разве это дело, смерть, так сказать, на траве не об'едешь,—хе-хе-хе,—смеется старик,—а сам то ведь тоже травкой питаешься... надо уезжать...

Великан-священник собрал,—рассказывают крестьяне,—своих прихожан и обратился к ним со словом:

— Отощал я, братие. Рассудите сами: нет ничего у вас—нет значит и у меня. К смерти ведет сие. Отпустите, пойду куда нибудь кормиться как нибудь... уеду я...

Крестьяне запротестовали и, посовещавшись, об'явили священнику:

—Ты, батюшка, смотри, как бог укажет, а только воля прихода такая будет: так как всем нам положено помереть к осени—и тебе и нам положено,—то, значит, как жили вместе, так и помереть должны совместно, поэтому и просим: проводи ты нас один за другим, а там, как совесть скажет,—или нам сопутствуй, чтобы всем селом преставились, как были здесь или... как знаешь...

Пустует село. Солнце выжгло жизнь в каждом его уголке. Стоят пустыми даже пчелиные ульи. Пчелы пропали рой за роем. Совсем исчезли мыши. В одной избе мне указали на заметенную кучку иссохших тараканов. Голод на всех и на все наложил свою мертвящую лапу.

Жутко и самому-то в конце концов становится в этом страшном селе, и ловишь себя на той же будоражащей мысли: бежать, бежать...

Подали лошадей. Садимся. Вокруг стоят молча крестьяне.

Молчим и мы. Когда возница уже замахнулся кнутом, кто-то в последний раз, должно быть чисто автоматически произнес:

—Поскорее же там... помощь-то...

Опять эта раскаленная зачахшая степь. Село осталось позади, как кладбище, где только что опустили в могилу кого-то близкого, кого уже никогда не увидишь. В голову навязчиво лезет набитый травой вздутый „Миколка“ на спичечных ножках; слышится стон:

—А помощь-то нам будет... ли?..

И из груди готов вырваться отчаянный крик:

—Спешите на помощь!

П. Подашевский.

Почему у нас в России голод и как с ним бороться?

(Простая беседа с крестьянином.)

Наша страна главным образом земледельческая. Промышленность, производство на фабриках и заводах в ней очень слабое. Только за последние годы перед войной она стала развиваться сильно и быстро. Железных дорог и пароходов у нас тоже очень мало, меньше, чем в любой соседней развитой стране. Огромное пространство ее до сих пор мало обработано, даже хороших дорог не проложено. В одном месте люди бьются на маленьких клочках земли, а в другом — огромные пространства земли, и хорошей земли, заняты либо непроходимыми лесами, либо топкими болотами, завалены буреломом и никакой пользы не приносят людям. Вовсе не бедная наша страна. Всем она богата. Если как следует устроить на ней жизнь, как следует поставить в ней хозяйство, тогда наша страна может прокормить население во много раз больше, чем она сейчас кормит, и не только прокормит, но даст возможность жить и развивать все способности человека. Найдется в ней место для хлебных посевов, которые давали бы в десять, двадцать раз больше хлеба, чем сейчас, и для посевов хлопка, льна, конопли и других растений, для развития шелководства, так что хватит одеть и нарядить не то что 100 миллионов, а во много раз больше. В земле лежит и нефть, и уголь, и руды всевозможные: и драгоценные металлы, и камни. Все можно сделать, все можно построить, для всего найдется материал, только бы жизнь была иначе устроена. А народ? Все признают, что русский народ и другие народы, населяющие Россию, способны к самому всестороннему развитию. Наша страна показала, что она богата людьми, сильными характером, с большим умом, с богатым талантом, и все-таки про нашу страну говорят иностранцы, что „Россия — страна, в которой все есть и в которой ничего нет".

Так вот отчего это? Отчего в этой богатой стране через каждые несколько лет страшный голод бродит? Не то, что по каким-нибудь нехлебородным, бесплодным местам, а по самым хлебородным

поволжским губерниям—Самарской, Саратовской, Симбирской и другим. Отчего в этой стране, в которой все есть, свирепствуют каждый почти год такие страшные болезни, как цынга, голодный тиф, холера и другие болезни, которые развиваются только в стране нищей, только в стране, где люди годами голодают, живут в грязи и в полном неустройстве? Отчего в этой стране, которая изобилует лесами, самыми лучшими строительными материалами, деревенские избушки похожи до сих пор на жалкие шалаши дикарей, где рядом живут часто и люди, и скот, и трудно разобрать, кто живет лучше.

Думает над этим крестьянин, и если он верующий человек, если он верит в своего бога, о котором ему говорили с детства, то он думает: „Бог наказывает нас за грехи наши". Если он спросит попа, поп подтвердит ему и скажет: „Да, это бог нас наказывает за наши грехи". Что он посоветует крестьянину? Он скажет: „Молись побольше, чтобы бог отвратил гнев свой от тебя". Это слышит крестьянин веками, и так как он все еще в некоторых местах верит очень сильно таким словам, то только в одном и видит спасение, устроить молебен и просить бога, чтобы он не так сердился, чтобы он послал дождя, не сушил землю, не бил градом хлеб и скот, не морозил бы озимые, насыпал побольше снега на поля или, наоборот, не заливал бы дождями поля, когда уже хлеб созреет. Словом, полагает, что все в руках бога, что все—от него. Правда, местами крестьянин сознает, что это не совсем так и говорит: „Бог то бог, да не будь и сам плох", или: „На бога надейся, а сам не плошай". Но воля с детства убита таким понятием, что „без воли божьей и волос с головы человека не упадет" или еще проще: „Бог не захочет и чирий не вскочит".

Так вот пусть такой крестьянин подумает, может ли человек, который веками так воспитался, научиться правильно бороться со всякими неблагоприятными силами, которые портят его хозяйство. К чему все это, когда все зависит от бога? Ведь слышит же он, как в проповедях ему говорится, что надо жить, как птицы небесные живут, которые не сеют и не жнут. Ведь верит он во всякие чудеса. Почему же ему не верить, что от усердной молитвы, от поклонов, от молебнов, от просьб, обращений к небу—все может измениться к лучшему,—даже и тогда, когда он сам ничего для этого не сделает?!

Конечно, не здесь надо искать об'яснений,—они гораздо серьезнее, дальше, глубже. Ведь вот хотя бы так взять: бывает неурожай в других странах, т.-е. бывают и засухи и слишком дождливое

лето, и слишком холодная зима, и слишком ранняя или, наоборот, очень поздняя весна, ранние заморозки осенние—все это бывает не только в нашей стране; однако-же только в Китае да в Индии бывают такие голодовки, какие происходят от неурожая в России. Только в Китае, да в Индии, потому что эти страны тоже отсталые по своему хозяйству.

Вот и Россия была до последнего времени одной из самых отсталых стран и со всеми своими богатствами она была похожа на человека, умирающего от голода среди изобилия, от жажды среди водных потоков, замерзала от холода среди огромных лесов, каменного угля и нефти: забивали деревянную чеку в колеса, когда в земле лежат неисчислимые горы всякого металла, освещались лучинкой, когда у нас целые озера керосина, и можно было бы электричеством осветить всю нашу страну. Так кто же этому причиной? Кто же мешал изменить это? Где причины, что мы до сих пор так бедны, что до сих пор у нас все так неустроено, как нам выйти из этого тяжелого положения—вот, что должно занимать голову всякого крестьянина сейчас, когда голод охватил снова, как в былые года, больше десяти губерний самых хлебородных.

Голод у нас не впервые. Всего только одиннадцать лет, с 1880 по 1891 год, было в Поволжье четыре урожайных года, а семь неурожайных, с 1891 года по 1921 год—за эти тридцать лет мы пережили не одну страшную голодовку, от которой погиб за это время, пожалуй, не один миллион людей, как на самых страшных войнах. А в прежние годы еще чаще бывали эти голодовки. История наша знает такие страшные голодные годы, когда, как, например, в Москве при Борисе Годунове женщины съедали своих детей или убивали их, чтобы не видать, как они мучаются. А ведь хлеб был дешев. Какая ему была цена? Еще не так давно хлеб стоил копейка—две фунт, и продавали его везде, сколько угодно, вывозили за границу до полумиллиарда пудов и перегоняли на спирт, на водку тоже до полумиллиарда пудов; а народ, крестьяне, которые этот хлеб засевали, все-таки питались хуже, чем питались наемные рабы других стран. Не от избытка хлеба шел на продажу, не от избытка крестьяне гнали скотину на продажу, всевозможные продукты, яйца и масло, и все, что у них было, а из-за нужды. В старинной песне про крестьянскую долю поется: „Год в ту пору был голодный, стали подати сбирать, и крестьянские пожитки за бесценок продавать". Кому вносили эти подати, которые собирали в самый голодный год? Кто заставлял крестьянина за бесценок продавать последний пожи-

ток? Веками в России правили цари, их слуги, бояре, помещики, а потом народились капиталисты, банкиры, фабриканты и заводчики. Царь со всем своим штатом, со всеми своими приближенными был ставленником этих господ, творил их волю. Сам „помазанник божий" был в то же самое время и всероссийским кабатчиком, который полмиллиарда пудов хлеба сжигал в винокуренных заводах только для того, чтобы дурманить народ, лишить его воли, принизить его ум, не дать ему возможности развиваться, и выколачивал у него добро его за водку, за спирт. Без кнута, без заградительных отрядов капиталист, маклак, торговец хлебом, помещик скупал миллионы пудов хлеба и отправлял их за границу, отправлял их не голодным, не раздавал тем, кто нуждается, а отправлял, чтобы нажить капитал, чтобы пировать в то время, когда крестьянское хозяйство оставалось убогим, крестьяне оставались неграмотными, не приобретали никаких знаний, живя рядом со своим скотом, не имея возможности поднять хозяйство.

Долгое время крестьяне и прав никаких не имели, а когда пало крепостное право, то крестьянина освободили не только от крепостного права, но и освободили его от земли. Малоземелье еще более убивало крестьянское хозяйство, не давало ему возможности развернуться. Крестьянское хозяйство давало ровно столько, чтобы с трудом выплатить подати царю, помещикам, попам и всем, кто стоял за ними. Ведь „один был крестьянин с сошкой, а семеро с ложкой". Да и подати он не мог выплатить, и огромные недоимки всегда накоплялись за ним, и время от времени на уплату недоимок у него отбирали скот, самовар и все, что можно было отобрать. Огромное множество крестьян у нас было безлошадных, бесхозяйственных или однолошадников и с таким малым количеством земли, что, как говорится, с носовой платок и вся земля-то была. Так что не только скотины, а и курицы некуда выгнать было. При малом количестве скота земля истощалась, не удобрялась, посев высасывал из нее соки, а крестьянин ничего не мог ей возвратить обратно. Под паром земля не успевала отдохнуть. Там, где она была бедной, неплодоносной, она давала с каждым годом все меньше и меньше, а крестьянину нечего было ей дать. Хороших орудий, чтобы поглубже вспахать, получше заборонить, размолоть комья земли, тоже не было. Вместе с тем, ввести какой-нибудь другой севооборот, скажем, многополье, для этого ни знания не было, ни подходящих семян, ни орудий, ни помощи. Выкорчевать ли лес дремучий, обсушить ли болота непроходимые, выравнить ли овраги, которые с'едают у нас

каждый год не одну тысячу десятин земли, для всего этого не было сил у нашего крестьянина. Леса вырубались без всякого порядка в истоках рек, потому что не было правильного лесного хозяйства, а от этого река мелела с каждым годом; на безлесных местах пески засыпали, ветер выдувал посеянное зерно. Луга заливались все меньше и меньше, от этого на полях оставалось все меньше влаги, покосы становились беднее, высыхала скоро земля. Чуть погода не ко времени, чуть засуха захватит, или дождливое лето выпадет—и гибнут посевы. Государство почти не заботилось о крестьянском хозяйстве, почти ничего не делало для того, чтобы уберечь крестьянина от беды в неурожайные годы. Вот почему голодовки происходили так часто в самых хлебородных губерниях.

А тут еще подоспела страшная война 1914 года, миллионы крестьян были оторваны для военного дела. Всего военное ведомство поглотило в одной только России во время войны около шестнадцати миллионов человек, из них больше чем на три четверти крестьян. Все знают, как от этого пошатнулось хозяйство.

Карпаты и Августовские леса, и Пинские болота, и подступы к Риге, и румынские дороги усеяны густо телами русских крестьян. Щедро проливалась кровь во славу помещиков и капитала, во славу царя. Во многих местах, во многих деревнях и селах оставались одни старики, женщины и подростки. Хозяйство у многих окончательно подорвалось, посевы с каждым годом войны все сокращались и сокращались, много растений перестали совсем сеять. Страна беднела все больше и больше по мере того, как богатели банкиры и заводчики, которые наживались на крови, на страданиях миллионов людей и преступлении своих единомышленников. Фабрики и заводы перестали изготовлять сельскохозяйственные машины. Некоторые заводы наши до войны делали только сельскохозяйственные орудия, во время войны стали делать пушки, пулеметы, винтовки, патроны, снаряды, походные кухни и проч., необходимое для войны, и только 4 процента сельскохозяйственных орудий изготовлялось во время войны. Машины износились, не стало запасных частей для того, чтобы их быстро направить. Дошло до того, что местами соху нечем исправить, сошник исправить. Поломалась крестьянская телега, нет полосового железа, чтобы шины обтянуть, источилась коса, не стало самого необходимого в хозяйстве. Сколько скота погибло местами, чуть не наполовину!

Вот почему так легко произошел переворот в феврале 1917 года. Всем ясно стало, что так нельзя дальше, и, когда мы увидели,

что и после февраля помещики и капиталисты остались у власти и тянут на прежний путь, весь народ—и крестьяне, и рабочие, и солдаты—сверг эту новую буржуазно-помещичью власть и создал власть рабоче-крестьянских советов. Думали мы разом кончить войну и все силы отдать на то, чтобы наше пошатнувшееся хозяйство восстановить, чтобы дать народу полную возможность иначе хозяйство свое устроить, чтобы не было так: одному все, а другому ничего. Рабочий класс, который веками угнетался, имеет только один интерес, —уничтожить всякий гнет. Рабочий класс, который веками продавал свою рабочую силу, он имеет только один интерес,—чтобы труд человека был не предметом купли и продажи, а стал источником общего благосостояния, стал трудом общественным. Рабочий класс, который сам был лишен земли, фабрик и заводов и орудий производства, он имел только один интерес,—чтобы земля и фабрики, и заводы, и все орудия производства, и все средства производства были бы не в руках отдельных общественников, а в руках всего народа, всех трудящихся в лице его государства—Советской республики. И рабочий класс давно уже боролся за то, чтобы освободить крестьян от невыносимой кабалы помещичьей и купеческой, как он боролся за то, чтобы себя освободить от той же самой кабалы. Рабочий класс думал не только о себе, о своем рабочем дне, о своей заработной плате и о своих рабочих законах, но и о том, чтобы земля перешла в пользу народа, чтобы крестьянская жизнь была устроена лучше, чтобы была уничтожена разница между городом и деревней, чтобы деревня могла пользоваться всем тем, что добыто наукой и искусством для человечества, чтобы то, чем пользуются города, могло стать достоянием деревни. И рабочий класс со дня октябрьского переворота 1917 года всецело направлял усилия на то, чтобы к этому перейти. Но разве он может это сделать сразу? Советская республика—молодая республика. Ошибаются те, кто думает, что свобода народа может быть завоеванной в какие-нибудь несколько месяцев, в какие нибудь несколько лет, без боли, без крови, без самой страшной борьбы. Ошибались и ошибаются те, кто думает, что капиталисты и помещики так вот, с легким сердцем и по доброй воле, уступят все то, что давало им право и возможность жить за счет миллионов угнетенных рабов. Ошиблись и ошибаются те, кто думает, что можно в четыре года переделать такую огромную страну, построить ее на новый коммунистический лад. Ошибаются те, кто забывает, что ведь со всех сторон мы еще до сих пор окружены хищными врагами, не дающими нам ни дня покоя.

Советская республика родилась в буре и огне, среди стонов и крови еще не законченной страшной мировой войны, и эта мировая война и сейчас продолжается во многих странах, а кончилась она совсем не так, как нам рассказывали всякие лгуны или буржуазные газеты. Не миром всего мира она закончилась, а еще большим насилием, еще большей жестокостью победителей к побежденным, еще большим раздором, и сейчас мир во всех странах несет в чреве своем семя новых страшных войн, еще более ужасных, чем та, которую мы пережили. Так как же могли они потерпеть, что среди них жила свободная Советская республика, где над крестьянами нет палки помещика, над рабочим нет палки капиталиста? Стиснули, сдавили нас удавным кольцом блокады, и ни один пароход, ни один вагон с товаром не мог пройти уже из других стран. А ведь наша промышленность и до войны была такая слабая. Наши фабрики и заводы не могли выработать того, что надо для нашего крестьянства. Мы отправляли за границу для переработки и кожу, и шерсть, и лен, и дерево, и руду, и получали оттуда в готовом виде и ткани, и обувь, и машины, и инструменты всякие. И вот, когда нас таким кольцом сдавили, мы дошли до еще большего обнищания, до еще большей разрухи нашего хозяйства, как земледелия, так и промышленности. Правда, нужда нас многому научила, и мы за это время сумели много сделать того, что раньше мы не умели делать, за чем мы обращались к другим государствам. И все же наша промышленность еще такая слабая, железные дороги так разрушены, что без заграничной промышленности нам восстановить наше государство не возможно, а к этому прибавилось то, что вся Россия была разделена: Сибирью владели Колчак, Кубанью, Крымом и вообще всем югом, Украиной владели поочередно всякие правительства, как Каледина, Краснова, Алексеева, Корнилова, Скоропадского, Петлюры, Деникина, Врангеля; севером владел генерал Миллер, западом—Юденич, Уралом—Дутов, и приходилось нам с винтовкой в руках бороться с нашими врагами, истекая кровью, вместо того, чтобы мирно трудиться на земле и у станка. Конечно, тут нужно было только с большим трудом выйти живым из борьбы, а мы вышли живыми, потому что мы все были заодно, рабочие и крестьяне. Мы всех наших врагов победили, но мы не победили главного врага, который везде проник, везде засел—разруху: ее мы еще не победили.

Но мы ее начали побеждать. Советская власть с самого начала поставила дело так, что, раз мы разрушили старое здание капитализма, надо строить новое, но строить его основательно, чтобы фундамент

был крепок. Какой же может быть фундамент у нового порядка? Отчего страдало крестьянское хозяйство раньше? От низкой техники, от того, что не было хороших орудий, нечем было добывать огромные природные богатства страны. Силы рук и лошадиной силы для этого не хватало. Для этого надо, чтобы огромные залежи угля и запасы дров были бы истрачены не на ветер, а чтобы они создали для крестьян и для рабочих другую обстановку жизни; а для этого надо эти огромные запасы угля, леса, нефти, горючих сланцев и силы наших рек использовать для того, чтобы они приводили в движение электрические машины огромных электрических станций, которые давали бы силу рабочим станкам и сельскохозяйственным машинам, которые дали бы свет не только городам, но и самой глухой деревушке. Для этого надо не только восстановить в прежнем виде наши железные дороги, фабрики и заводы, но надо их расширить, использовать так, чтобы мы не нуждались в том, чтобы посылать за границу наше сырье для его обработки, а сами могли бы все это сделать. Для этого надо, чтобы рабочие и крестьяне были не только поголовно грамотны, но и получили знания, как построить жизнь, как поставить по новому хозяйство. Для этого надо, чтобы в наших университетах, сельскохозяйственных академиях, лесных и горных институтах, инженерных училищах учились не барские сынки, а дети рабочих и крестьян. Для этого надо поставить крестьянское хозяйство на новый лад, что-бы пущены были в ход лучшие машины. Тогда земля, которая сейчас едва дает 40—50 десятин, даст легко все 200 пудов зерна с десятины. Для этого надо, чтобы крестьянин перестал верить в чудеса, в гнев и милость божию, а верил бы только в силу своего разума, в силу общественных интересов, и надо, чтобы крестьянин и рабочий друг другу помогали в этом трудном деле.

А для всего этого надо, чтобы крепка была Советская власть, которая одна это может провести в жизнь.

А сейчас,—что же делать сейчас? Вот пришла беда—отворяй ворота. Ведь мы знаем, что во многих местах крестьяне умирают с голоду, и дети, и взрослые, и неурожай потому-то и страшен в этом году, что он застал нас в начале нашего подъема. Мы только что прекратили военную борьбу, только что начинали мирно работать. Правда, нам еще мешали и мешают бандитские шайки, которые помешали полному засеву полей во многих местах, которые помешали вывезти хлеб, разграбили амбары. Мешает нам и то, что за границей сидит—кроме иностранных капиталистов, помещиков,—до

двух миллионов русских капиталистов, помещиков, фабрикантов, заводчиков и их слуг, и сидят они там, как обозленные псы, готовые нас растерзать, и обращаясь к правительствам всех стран, говорят: „Не помогайте проклятым большевикам, не помогайте этим русским хамам, которые не захотели нам покориться, пусть сдохнут с голоду, пусть погибают за то, что нас не послушались". Но сумели, ведь, мы справиться с ними, когда они стояли во всеоружии, когда у них были и танки, и пушки, и аэропланы, и превосходили они нас и числом, и техникой военного искусства, а мы превзошли их только тем, что были мы дружны, рабочие и крестьяне, что была у нас одна семья, что крепко отстаивали мы Советскую власть, что в нашу борьбу мы умели вкладывать все лучшие силы, знание, волю и весь свой ум, ничего не жалели для того, чтобы наша Красная армия могла победить. В этом и сейчас выход. Не надо терять голову, руки опускать. Страшен для нас голод, если мы скажем: „Ну, что же бог дал, бог и взял, на то воля божья". Страшен для нас голод, если мы не сумеем встряхнуть всю нашу страну от первого человека до последнего, чтобы он все свои помыслы отдал на то, чтобы изжить этот голод. А если мы возьмемся всей дружной семьей, если каждый отдаст то, что он может отдать для спасения голодающим, мы этот голод изживем и не допустим до гибели сотни тысяч и миллионы людей. Это мы должны сделать и сделаем. И, конечно, в первую голову должны это сделать крестьяне тех местностей, где в этом году хлеб уродился хотя бы сколько-нибудь хорошо. В первую голову должен быть собран продналог, и каждый должен думать, когда сдает, что часть собранного пойдет на немедленную помощь погибающим братьям. Каждый крестьянин, который сдаст пуд хлеба или какого-нибудь другого продукта, будет знать, что он протягивает руку помощи миллионам голодающих братьев, ждущих этой помощи, что он спасает хозяйство миллионов людей. Пусть каждый крестьянин подумает: „А не могу ли я что-либо прибавить к этому, может я обойдусь в своем хозяйстве тем, что у меня останется?" Он должен об этом подумать, он должен добровольно не только продналог сдать, он должен отдать все, что он может, на помощь голодающим. И если он свой первый долг выполнит перед всем трудовым народом Советской трудовой России, то он этим укрепит нашу промышленность.

Помните, товарищи-крестьяне, голод, неурожай будут нас еще не один раз бить, если мы не поддержим рабочий класс городов, и если не обеспечим ему вполне сытого существования, чтобы он мог

забросать деревню инструментами и машинами и другими продуктами своего производства: тканями, обувью, посудой и всем необходимым в крестьянском обиходе. Помните, что мы будем попрежнему поставлены под угрозой бича голода, если рабочий класс не будет иметь силы построить густую сеть железных дорог, двинуть по рекам огромные флотилии пароходов и по дорогам сотни поездов, чтобы из края в край быстро передвигать народные богатства России, если он не может построить машин-великанов, чтобы извлекать из недр земли лежащие в ней богатства, чтобы отдать их на пользу всему народу.

Мы будем жить, как деды наши жили, в темноте, если рабочему классу не дадим силы провести электрификацию, которая одна только может нас спасти в будущем от угрозы голода. Если же мы рабочему классу поможем, тогда для нас может быть уверенность, что мы победили голод не только в этом году, но победили его на многие годы вперед. И тогда, если тоже придет засушливый год, может быть и не раз, у нас будут заложены глубокие колодцы, водопроводные трубы, каналы, водоемы, и в них в самую засуху будут запасы воды, чтобы пустить на поля, иссохшие от зноя. Вместо вырубленных у истоков рек лесов мы насадим новые леса. Мы сможем пустить под обработку гораздо больше земли, и каждая десятина земли даст нам возможность прокормить во много раз больше народу, чем теперь. „Да, скажет крестьянин: все это в будущем. Все это для будущего. А теперь, сегодня, когда кругом умирают с голоду?“

Сегодня все дружно за работу. Нечего думать крестьянам местностей, пострадавших от неурожая, чтобы переселиться в другие земли, ведь неурожай охватил земли плодородные не только от того, что там засуха, что земля плохая, а оттого, что все хозяйство было поставлено неправильно. Бросить сейчас хозяйство, перейти в чужую землю, а там с голыми руками приниматься на новом месте, не имея уверенности, что неурожай не подкосит последние силы? А скот, который должен погибнуть в пути?.. Нет, надо на том же месте начать восстанавливать хозяйство, сколько можно, вспахать, сколько можно, посеять. Советская власть должна будет помочь и сделать все, что в её силах, для того, чтобы помощь в таких местностях крестьянам оказать. И она это сделать может только тогда, когда все крестьяне и рабочие ей помогут. Советская власть кое-что может купить за границей, хотя там много врагов, которые мешают в этом, хотя наши железнодорожные пути так слабы, что нам с большим

трудом можно подвезти голодающим местностям все, что мы могли бы привезти. Вот тут-то особенно сказывается, как нам трудно без густой сети хорошо налаженной железной дороги. Советская власть организует в городах комитеты помощи, но она обращается к вам и говорит: „Вы сами должны создать всюду такие комитеты взаимопомощи. В каждой деревне, в каждом селе точно так же, как рабочие создадут их в каждой мастерской, на каждой фабрике, на заводах, во всех учреждениях". И пусть каждый вложит в это дело все то, что он может: хлеб, овощи, другие продукты. Пусть рабочий изготовит необходимые крестьянину предметы для того, чтобы их можно было отправить в урожайные губернии для товарообмена и в неурожайные губернии для бесплатного снабжения населения, пострадавшего от голода. Пусть любой советский служащий помнит, что он обязан в эти грозные дни работать не так, как он привык работать, с прохладцем, а так, как надо работать в военное время, ибо мы должны будем навести величайшую экономию, бережливость, сократить число служащих, убрать лишних, чтобы не было дармоедов, лодырей, шкурников, которые сидят, бездельничают на готовых хлебах. Пусть крестьяне и рабочие укрепят сейчас свои организации—потребительские, промысловые и сельскохозяйственные кооперативы, которые им окажут в этом деле большую помощь. Пусть они общими дружными усилиями в голодных местностях примутся устраивать общественные столовые, питательные пункты, бараки для заболевающих заразными болезнями, и пусть рабочие и крестьяне из урожайных местностей придут на помощь в этом деле всем, чем они могут. Здесь все пригодится: лишний аршин ткани, лишняя пара белья, какое-нибудь оставшееся в доме лекарство, несколько фунтов сухарей или других продуктов—все пойдет в дело.

Особенно, конечно, должны в этом деле принять участие коммунисты и в городах, и в деревнях. Стыдно им будет, если они будут здесь не на первом месте. Когда на фронте приходилось тяжело и центральный комитет российской коммунистической партии кликал клич, то тысячи коммунистов отправлялись на фронт, по первому зову шли на самые опасные места. Так и здесь. Надо, чтобы все откликнулись и пошли добровольно на самые опасные места помочь голодающим. И пусть крестьяне лишний раз убедятся в том, что коммунисты умеют бороться с самими страшными врагами, которые мешают счастью рабочих и крестьян. Суровая задача выпала на их долю, они не знали почти ни одного дня покоя. Приходилось иногда жестокими средствами удерживать Советскую власть, но крепка сила

коммунистической партии, и она на своем пути не склоняла своего знамени, потому что в этом было спасение Советской республики. И сейчас мы, коммунисты, знаем, что спасение Советской республики заключается в том, чтобы не дать погибнуть крестьянскому хозяйству, огромным пространствам России, пострадавшим от неурожая. Спасение ее еще больше заключается в том, чтобы не только побороть этот голод нынче, но чтобы вырвать с корнем причины, порождающие голод в стране почти через каждые два года то в одном, то в другом ее углу. Спасение рабоче-крестьянской России в том, чтобы создать хозяйство на иных началах, о которых я говорил раньше.

Пусть каждый крестьянин подумает об этом, и он скажет, что это так. Я знаю, что могут сказать, что вот, ведь, нет же таких страшных голодовок в других странах! Да, таких страшных голодовок нет в других странах, потому что там хозяйство лучше поставлено, но голод существует во всех странах. В самых богатых, где хозяйство богатых крестьян, помещиков поставлено на большую высоту, рядом с ними бок-о-бок живет крестьянская беднота, полубатраки и батраки. И таких миллионы, которые живут впроголодь, работая на других. Рабочий класс во всех капиталистических странах из года в год терпит страшную нужду от безработицы, и сейчас во всем мире около двадцати миллионов безработных с их членами семейств живут самой ужасной голодной жизнью. Дети, подростки, жены торгуют своим телом для того, чтобы не умереть с голоду. И, конечно, и в этих странах голод может быть уничтожен только тогда, если там средства и орудия производства, все фабрики и заводы будут находиться в руках трудящихся, а не в руках паразитов.

Чем же мы можем помочь этому? А тем, что мы всему миру покажем, что вот, после стольких лет рабства, после четырехлетней страшной мировой войны, после блокады и всей этой нищеты, в которую нас ввергли наши враги, мы все-таки в силах справиться с таким страшным врагом, как голод, и не только справиться, но и укрепить наше хозяйство. Тогда враги наши потеряют всякую надежду на то, чтобы нас погубить, а наши друзья, трудящиеся всех стран, будут еще более дружно бороться за то, чтобы восстановить во всем мире царство труда.

Помните, крестьяне, что путь окончательной победы над голодом, правильный путь, только один этот. Если пойдете по всякому другому пути, все равно не избежать народу голодовки через год, через два, через три. Если пойдете этим трудовым путем, то скоро

мы все препятствия преодолеем и выйдем на светлую дорогу, где человек будет царствовать над природой, а не природа будет царствовать над человеком. Пойти по этому пути крестьянин может, только опираясь на крепкую, могучую рабочую организацию, на Советскую власть.

Ем. Ярославский.

Юридическая природа продналога.

Всякая организация, будь-то общественная или государственная, должна иметь и имеет свой аппарат и хозяйство, а это значит, что она должна иметь и расходы по содержанию их. Причем расходы буржуазных государств по их содержанию имеют стремление увеличиваться из года в год.

Возьмем для примера бюджеты 3-х больших государств:

Германия. Бюджет с	1750 г.	16.000.000 р.	
	1860 г.	320.000.000 „	
	1889 г.	888.000.000 „	
	1913—14 г.	1.500.000.000 „	
Англия. Бюджет с	1685 г.	14.000.000 „	а население 5 мил. ч.
	1896—97 г.	1.220.000.000 „	„ 12 „
	1913—14 г.	1.950.000.000 „	„ 45 „
Россия. Бюджет до Петра		3.000.000 р.	
В конце ц. Петра		10.000.000 „	а население 14 мил. ч.
	1898 г.	1.364.000.000 „	„ 120 „
	1913 г.	3.208.000.000 „	„ 180 „

Читатель, вероятно, уже отметил и то, что бюджеты государств увеличивались значительно быстрее роста населения, и то, что расходуемые суммы колоссальны.

При виде их, вполне естественно, возникает вопрос о том, откуда и каким образом они собирались?

Рассмотрение государственных доходов говорит о многообразии их источников.

Часть средств получается эксплоатацией государственных имуществ и предприятий, а большая часть через прямые и косвенные налоги. Роль налогов в бюджете государств возрастала с каждым годом по той простой причине, что доходы от государственных имуществ и предприятий не успевали за ростом расходов.

Налоги по своей сущности и форме относятся к общественно-правовым доходам. Налагая те или иные сборы, государство взимает их не за те или иные услуги, а, просто, по праву государства. Налоги вытекают из самой сущности государства как общественно-принудительной организации. При наложении тех или иных сборов государство выступает перед населением, как орган верховной власти, как имеющий право взимать. Населению же в налогах несет те или иные жертвы, те или иные тяготы, не соразмеряя эти жертвы с теми выгодами, реальными, конкретными, которые оно получило от государства. Население платит государству, потому что оно является составным элементом данного государства.

Используя это право государства, буржуазные правительства прибегают охотнее всего к косвенным налогам (таможенные сборы, акцизы, промысловые свидетельства и т. д.), да это и понятно. Во-первых, косвенные налоги падают почти целиком на малосостоятельные группы населения, мало затрагивая интересы имущих и, второе, их легче собирать нежели прямые налоги, ибо они падают на предметы широкого потребления и незаметно выплачиваются потребителями обложенных фабрикатов. Покупая сахар, табак, спички, керосин и т. д., рабочий и крестьянин выплачивает и налог (акциз), покупая плуг, борону и другия орудия, покупатель оплачивает и пошлину, покупая ситец и другие фабрикаты, потребитель оплачивает промысловые свидетельства купцов и фабрикантов и т. д. При отсутствии же косвенных налогов, пришлось бы собирать потребные средства путем прямых налогов, что вызвало бы сопротивление имущих, ибо размеры налога должны быть очень велики, и привело бы к восстанию неимущих, ибо они не захотели бы отдавать государству большую часть их скудных доходов. А это опасно для буржуазной власти, для буржуазного государства.

Пролетарскому государству и его правительству при отыскании средств нет надобности скрываться за ширмами косвенных налогов. Поэтому оно устанавливает прямой налог и при том в такой форме, какая наиболее соответствует его интересам, а именно: в натуральной форме.

Оно установило продналог,

Взимая его, оно имеет к тому достаточные основания.

Ведь государство в период, переходный от одного общественно-экономического уклада к другому, в период диктатуры пролетариата не потеряло характера общественно-принудительной организации, ре-

гулирующей взаимоотношения отдельных лиц и целых обществ, входящих в состав его, не потеряло характера необходимой и пока единственно возможной формы общежития, регулирующей и организующей огромное государственное хозяйство, находящееся в пользовании граждан и обслуживающее их. Помимо вышеуказанных прав и обязанностей на пролетарском государстве лежит обязанность защиты завоеваний революции от контр-революции и забота о поднятии экономического благосостояния граждан.

Отсюда и право пролетарского государства на налоги.

И до тех пор, пока государство не будет иметь от своих имуществ и предприятий доходов, достаточных на покрытие расходов, до тех пор, пока не произойдет полного слияния частно-владельческого хозяйства с государственным, гражданам придется платить налоги государству, которое будет собирать их по праву, вытекающему из самой природы государства.

Поэтому-то крестьянские хозяйства обложены продналогом. Продналог выплачивается крестьянами не только потому, что они являются составною частью государства, но за целый ряд государственных услуг и за пользование государственным имуществом (национализированной землей).

Но доходы пролетарского государства от частных хозяйств должны будут занимать в его бюджете все более и более скромное место в силу двух смежных экономических процессов. А именно, во-первых, развивающееся государственное хозяйство увеличит государственные доходы и сделает постепенно излишним взимание налогов с частно-владельческих хозяйств, а, во-вторых, сами-то частно-владельческие хозяйства, не обладающие всеми преимуществами крупного государственного хозяйства, будут постепенно поглощаться государственным хозяйством, а это значит, будут постепенно исчезать об'екты обложения.

В силу вышеуказанного процесса будет уменьшаться в каждом отдельном хозяйстве доля, идущая на налоги. Уже теперь—в первый период жизни пролетарского государства и его налоговой практики, несмотря на колоссально-развившиеся государственные расходы (главным образом чрезвычайные) налоговое бремя значительно легче дореволюционного. Раньше русский крестьянин отдавал государству в виде различных налогов и пошлин минимально 10% доходности его хозяйства. Заурядным же явлением было такое: например, по Мос-

ковской губернии средний доход средней крестьянской семьи равнялся 386 р. 21 коп.

Налоги при таком бюджете выражались в следующем:

куплено водки на 29 руб. 10 к., из этой суммы акциз 21 р.

На чае	уплачено пошлин	10 р. 40 к.
„ ситце	„ „	3 „ 80 „
„ сахаре	„ „	7 „ — „
„ керосине	„ „	1 „ 50 „
„ спичках	„ „	— „ 21 „
	а всего косвенных	44 р. 21 к.

Да выкупные платежи за землю, отошедшую по реформе 1861 г. . . 22 р. 50 к.

А всего в казну уплачено 66 руб. 71 к., что составляет 17% всего дохода.

В некоторых случаях налоги съедали до 60% всего дохода. Теперь посмотрим, какую долю хозяйства берет продналог. Возьмем для примера хозяйство при 3 едоках, при обеспеченности пахотной землей в 1/2 дес. на едока и 1/3 д. луговой при 1 корове и 5 курицах.

Продукция хозяйства будет приблизительно такова:

хлеба 55 пуд.	в переводе на рыночные цены.	по 120.000 руб.	=	6.600.000
сена 75 „		„ 10.000 „	=	750.000
молока 480 чет.		„ 6.000 „	=	2.880.000
яиц 40 шт.		„ 5.000 за д.	=	20.000
		Итого . .		10.250.000

Налога следует уплатить:

	Рыночн. ц.	
хлеба 4 п. 20 ф.	120.000 р. за п.	540.000
мяса 7 „	3.000	21.000
масла 5 „	20.000	100.000
яиц 3 шт.	500 р.	1.500
сена 5 пуд.	10.000	50.000
		712.500

В процентном отношении это будет около 6%.

Итак, продналог вытекает из сущности пролетарского государства, как организации общественно-принудительной, защищающей интересы революции, интересы человечества. Продналог — это использование частного хозяйства в деле организации и развития общественного, коммунистического уклада. Продналог — мера временная и преходящая, как преходяща частная собственность и индивидуальные хозяйства в перестраивающемся на началах коллективного производства социально-экономическом организме. Продналог умрет своей естественной смертью, как умрет в социализирующемся обществе индивидуальное хозяйство.

Вл. Соколов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. На помощь! Стихотворение **С. Вичоградова**.
2. Мирская душа. Пьеса. **Якова Коробова**.
3. Дети—голодающим Поволжья. Стихотвор. **Мих. Орлова.**
4. Спеши на помощь делом. Устная газета.
5. Голодная семья. Стихотворение. **Мих. Орлова**.
6. Там, где умирают с голода. **П. Подашевского.**
7. Почему у нас в России голод и как с ним бороться. **Ем. Ярославского.**
8. Юридическая природа продналога. **Вл. Соколова.**

Цена 3.000 р.

Купишь книгу—дашь кусок хлеба голодному.

Весь сбор поступит в пользу голодающих Поволжья.

Госиздат. № 82.

Р. В. Ц. (г. Владимир). Печ. 10.000 экз. Гос. тип. № 3.